

Анастасия Зарецкая

16+

**Я ПРИСНЮСЬ ТЕБЕ
НА РАССВЕТЕ**

Анастасия Зарецкая

Я приснюсь тебе на рассвете

«Автор»

2019

Зарецкая А.

Я приснюсь тебе на рассвете / А. Зарецкая — «Автор», 2019

«Я приснюсь тебе на рассвете», — вот что перед отъездом пообещал мне мальчишка, в которого я была влюблена. Это произошло моим последним настоящим летом. Жизнь обошлась с нами слишком сурово, и ярким снам места в ней не нашлось. Спустя время я смирилась, что мы больше никогда не увидимся, и успела забыть свою первую влюблённость. А через девять лет после нашего расставания увидела первый сон.

© Зарецкая А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть 1. До	10
Глава 1. Колесо	10
Глава 2. Мамочки	20
Глава 3. На память	27
Глава 4. Моменты счастья	37
Глава 5. Точка росы	45
Глава 6. Сломлено	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Анастасия Зарецкая

Я приснюсь тебе на рассвете

В оформлении обложки использованы фотографии:

«Beautiful city street background at sunrise time» (Image ID: 56101369) автора Serjio74b

«Young man posing in the city streets» (Image ID: 102587340) автора tinx

«Beautiful elegant woman in evening dress» (Image ID: 108371110) автора Dmitry_Tsvetkov

Сайт: <https://depositphotos.com/>

Пролог

За то время, что он мне снится, я успела выучить его наизусть.

Я запомнила его волосы: темно-каштановые, всегда взлохмаченные, с отросшей челкой на левой стороне. Запомнила глаза: карие, с зелеными крапинками около зрачка, окруженные темно-коричневыми длинными ресницами. Запомнила его прямой нос и волевой подбородок, родинку на левой скуле и шрам над правой бровью.

Я мечтаю, что когда-нибудь выучу его губы, улыбающиеся так приятно. Мечтаю коснуться их, но он так далеко, хотя кажется близким, что я не могу до них дотянуться.

Больше всего я люблю его голос: размеренный, словно океан во время шторма. Может, когда-то его голос напоминает шторм, но со мной он всегда говорил плавно и вежливо.

Я чувствую, что постепенно схожу с ума: от любви к недостижимому и тоски от одиночества. Сегодняшним утром это ощущается особенно остро, и я жалею, что проснулась вовсе.

Идеал – вечный сон, тихий, но крепкий. Разве это не смешно? Мне двадцать четыре, и вся моя жизнь – зелено-карие глаза, шрам над бровью и мечта коснуться губ.

Я поднимаюсь с постели, и остатки сна улетают через приоткрытое окно. Механически собираюсь на работу, чтобы там на автомате копошиться в бумагах, сидя за компьютерным столом. Серое платье, черные ботильоны, стрелки в уголках глаз, бесцветная туалетная вода. Выхожу на улицу и раскрываю оранжевый зонт: пусть со временем он чуть потускнел, но остается ярче всего того, что меня окружает, и ярче самой меня.

Путь на работу близкий. Десять минут под моросящим сентябрьским дождем, и я захожу в высокое серое здание. Гордое, но безликое. Давно бы уволилась, но содержать себя на какие-то средства надо. К тому же, не будет работы – и моя жизнь потеряет еще одну составляющую.

Что мне тогда останется? Есть и мыть посуду? Убираться в квартире? Принимать душ? И спать, спать, спать, вновь видеть глаза, что ярче листьев любого дерева, и слышать голос, в который погружаешься, будто в океан, а не просто опрыскиваешь себя струнами воды.

Любовь – это радость. Моя любовь – безмерная печаль, и я уже слабо верю, что бывает иначе. Исключение становится правилом.

Шаги, кивки... Я снимаю плащ, вешаю его на элегантный черный крючок и сажусь за свое место. Монитор, органайзер с канцелярией, белоснежная бумага на темной столешнице. Голубой свет экрана запрашивает пароль, и я привычно ввожу его.

– Лена! – раздается рядом. Я оборачиваюсь: рядом со мной ярко-зеленая рубашка. Это Женя, моя приятельница, с которой мы познакомились на работе, и она понимающе улыбается, глядя на меня.

– Да, – отзываюсь я. – Привет.

– Привет, – соглашается она. Смотрит на мой стол, сложенные на нем листки бумаги и сияние монитора и спрашивает: – Ничего нового, так?

– Ты как всегда права, – замечаю я.

Женя – пожалуй, единственная, кто знает, в каком состоянии я нахожусь.

Она проводит ладонью по гладкой поверхности столешницы.

– А если мы сегодня прогуляемся? – предлагает она. – Не хочется терять последние остатки тепла. Вместе с Маришкой. Как считаешь? Ты просто обязана согласиться, Лена. Да-да.

Я с сомнением смотрю на нее.

Если бы выбор стоял между сном и Женей, то я бы, ни минуты не колеблясь, выбрала сон. Но по вечерам засыпать я не умею и поэтому решаю, что прогулка послужит достойной альтернативой ежевечернего страдания по несбыточному.

Я киваю.

Женя кивает в ответ.

Она убегает к себе, пока наш начальник не заметил ее отсутствие, и я вздыхаю. Душевное равновесие восстанавливает экран монитора. Привычные цифры в экселевских таблицах, жужжание принтера... Вскоре наступает обед, который я, как обычно, провожу на рабочем месте, заварив чай.

Глаза слезятся, и я решаю, что пора отдохнуть. Кружка сиротливо продолжает стоять на столе, а я подхватываю стопку нескрепленных белых листов – отчет по прошлому месяцу – и покидаю помещение.

Здание действительно обширное. Наша компания занимает два его этажа и включает в себя несколько десятков офисов. Мне нужно подняться на этаж выше – впереди уже виднеется лестница. Там, в одном из кабинетов с дорогой мебелью, иногда сидит начальник нашего отдела. К нему я и направляюсь, надеясь, что обнаружу его на месте.

Каблуки приглушенно стучат по ступеням. Я иду, прижав к себе кипу бумаг, и разглядываю мраморный рисунок лестницы.

А потом оказывается так, что он – последнее, что мне удастся разглядеть. Едва сойдя с лестницы – лишь пара шагов, тихих шагов моей спокойной жизни, как я на кого-то налетаю. Я отпрыгиваю, все так же прижимая к себе бумаги, но не поднимаю головы.

Мужчина. Это мужчина: я вижу дорогие ботинки и шикарные в своей простоте джинсы. Бормочу нелепые извинения:

– Я не хотела.

Впрочем, я не могла по праву зваться виноватой: он поворачивал из коридора, и я не могла его заметить. Я не...

Но следующее мгновение все меняет.

– Постарайтесь быть осторожнее, – голос напоминает океанский штиль, переворачивающий морские суда, отправляющий ко дну сокровища и молодых девиц.

Я поднимаю глаза и понимаю: тону. Воздуха не хватает.

Шрам и родинка, крапинки у зрачка и ресницы, волосы, по непривычному уложенные. Сильные руки, одна из которых сжимает такую же белую, как и у меня, бумажку.

Это он.

Тот, кого я два года вижу во снах, тот, кого я успела выучить, тот, без кого я не представляю свою жизнь, пусть и нет никакой жизни.

Если это не любовь, то что это?

С у м а ш е с т в и е.

Скорее всего, он – иллюзия... Вернее, даже если он иллюзия, свой шанс упустить я не могу.

Бумаги падают из рук – так вам и надо, летите, летите! Я обхватываю его шею, тянусь к губам – я просто обязана их узнать.

Последним, что я вижу перед тем, как закрыть глаза, становится одна-единственная его бумажка, которая присоединяется к моим.

Его губы теплые. Они сжаты в тонкую линию. Но я требовательнее. Я узнаю, я узнаю... А если это мой шанс? Шанс исполнения моей мечты. Шанс, шанс...

Под моим напором он сдается и отвечает на поцелуй.

Мне плевать, что подумают о нас окружающие. А окружающие явно присутствуют: сквозь гулкий стук сердца я слышу шаги и голоса.

Его ладони гладят меня по собранным в хвост волосам, а мои руки крепко цепляются за его плечи, будто это – мой спасительный круг посреди бескрайнего океана. Что может быть глупее: знать, что, как только поцелуй закончится, я утону, уйду ко дну без шанса на спасение, но все равно обрекать себя на эту гибель?

Ведь я так об этом мечтала.

Вскоре поцелуй заканчивается: мужчина из моих снов делает шаг назад, и меня захлестывает волна смущения. Я приседаю, пытаюсь скрыть красные щеки и дрожащие руки, и принимаюсь собирать бумаги. Отчеты, отчеты, таблицы... И заявление об увольнении. Не мое, его – той бумажкой оказалось именно оно. Я протягиваю ее все ещё стоящему здесь мужчине и решаюсь поднять глаза.

Его взгляд смеется, и на губах играет легкомысленная улыбка.

– Девушка, – он качает головой, – не ожидал от вас подобного.

– Вы мне снитесь, – признаюсь я. – Снитесь мне каждую ночь. Но во сне я не могу к вам прикоснуться. А ещё вы не называете своего имени. Как вас зовут?

– Неважно, – отзывается он.

Я понимаю: имя было на заявлении об увольнении, но я не додумалась прочитать его.

– Нам всегда сняться лишь те люди, которых мы видели в реальной жизни. Скорее всего, два года назад вы заметили меня издали. Я работаю здесь уже больше. Работал.

– Может. Я тогда и пришла, – я киваю, не отрывая взгляда от его лица. Сейчас он уйдет, и сон в реальности закончится. – Во сне вы рассказывали мне, что никогда не пьете кофе, а в третьем классе играли в городской футбольной команде. Это так? Это действительно вы?

Он улыбается ещё шире и замечает:

– Я жизни своей не представляю без кофе, а футбол... Никогда его не понимал, предпочитаю более спокойное времяпровождение.

– А...

Скорее всего, я просто что-то перепутала.

Перевожу взгляд в сторону. Лица спящих вокруг людей кажутся мне знакомыми. И правда: мы трудимся бок о бок больше двух лет. Но почему за это время я ни разу не встретила его... вновь?

– Встретимся после работы? – предлагает он. Я вскидываю недоуменный взгляд, и мужчина продолжает: – Я буду ждать вас на стоянке, в шесть. Тогда вы и узнаете мое имя, если придете.

– Как я вас найду?

– Вы уже, – бросает он. – Теперь настало мое время искать.

Следующие события происходят для меня, будто в тумане. Я сбегая вниз по лестнице – какие уж тут отчеты, тут жизнь меняется! Бросаю сохранившиеся в живых листы на компьютерный стол. И хватаю мобильный телефон: мне надо предупредить Женю, что планы поменялись.

Ведь я приду. Приду на эту стоянку, пусть до моего дома – десять минут пешком.

Трясущимися руками я набираю номер Жени и нажимаю «вызов».

Она отвечает через несколько секунд. И прежде, чем успевает что-то сказать, я произношу:

– Прогулку придется отменить. Хорошо?

Я падаю на стул, взмахом руки отбрасываю телефон, и задетая кружка с уже остывшим чаем звонко разбивается о дорожку паркет.

***

Это был сон, в котором я все же смогла до него дотянуться. Он снился мне в дорогом номере гостиницы.

Я целовала губы, трогала руки, пальцами зарывалась в каштановые волосы, короче тех, что были во сне.

Я любила. Любила молча, в такой привычной тишине. Любила безымянного человека из моих слов и понимала: хорошо, что он ничего не говорит. Иначе придуманный мной образ рассыпался бы на осколки; они были бы гораздо острее осколков кружки, и раны от них больнее.

Я тонула в его глазах.

И проиграла.

Следующим утром я обнаружила, что он исчез: безмолвной тенью, мужчиной из снов, мечтой, не оставившей после себя ни имени, ни номера мобильного телефона.

Он хотел, чтобы я его забыла. Сумасшедшая, одноразовая девчонка не стоит большего.

Но за окном рождался рассвет; я рассматривала его и ясно осознавала, что буду помнить. Всегда.

Часть 1. До

Глава 1. Колесо

Пожалуй, первая любовь всегда оставляет отпечаток в душе.

А впервые я влюбилась, когда мне было тринадцать. К тому времени все мои одноклассницы уже успели испытать это прекрасное чувство, кто-то с кем-то даже встречался, и я очень переживала по поводу того, что до сих пор одна и даже не влюбленная. Вздыхала, глядя на других, и писала в личный дневник, что очень-очень хочу влюбиться. Что хочу, чтобы кто-то влюбился в меня.

Какая любовь в тринадцать лет?

Это я тогда над собой смеялась.

За прошедшие время мое мнение успело значительно поменяться, но я расскажу обо всем по порядку.

Моим избранником стал принц. Самый настоящий принц на самом настоящем коне – породистом, черном, с переключателем скоростей и ручным тормозом. Мы встретились летом перед моим седьмым классом. Я спокойно шла по дорожке парка, уже и не скажу, куда, а он, этот принц, ехал мне навстречу. Принц был красивый, с развевающимися волнистыми волосами, чуть более длинными, чем я привыкла видеть на мальчиках. А дорожка, на которой мы столкнулись, по ширине не превышала полутора метров. И тогда вместо того, чтобы пропустить принца вперед и не оказаться под колесами самой, я замерла прямо по ее центру.

Слева бордюр, справа бордюр, а посередине – я, к тринадцати годам уже довольно высокая и к тому же не из худых. Встала и замерла, разинув рот. Но принц привлек меня не просто внешне. Внутри в тот момент зародилось предчувствие: все просто так не закончится, наша встреча не забудется уже на следующий день.

Принц резко затормозил, едва не сбив меня с ног, чертыхнулся, но потом, смутившись, пробормотал:

– Ты не могла бы отойти?

– А... – протянула я. – Ну...

И я несмело шагнула. Назад.

– Нет, – он помотал лохматой головой. – Влево или вправо. Честное слово, я не могу проехать.

– Оставайся, – предложила радушно.

– Почему?

Эта особенность жила во мне с самого детства. Я по жизни была застенчивой, но в редкие моменты душевного порыва могла решиться на такое... На такое, что для общительных людей не составляет труда, но очень заставляет меня волноваться.

Вот и сейчас – я предложила ему остаться, и я намерена была доказать ему, по какой причине он должен это сделать.

Но что я могла сказать? Что он понравился мне так сильно, и даже чувство самосохранения ушло на второй план? Что я очень хотела бы с ним пообщаться – еще немного?

– Велосипед интересный, – выкрутилась я. – У меня попроще.

– Ага, – на его лице засияла улыбка. – Мама подарила на днях. Скоростной, – и он с любовью посмотрел на велосипед. Помнится, в тот момент меня заинтересовал вопрос: смотрел ли он когда-нибудь так на... кого-то? Ну, на человека. На девочку. Какую-нибудь девочку. Ведь о таком взгляде мечтает большинство из нас.

Я коснулась гладкой черной рамы и тут же отдернула руку.

– Да ты не переживай, – утешил он. – Можешь посмотреть. А я думаю – чего ты меня разглядываешь так удивленно...

Я мгновенно вспыхнула и бросила на него короткий взгляд.

Это только в более зрелом возрасте мальчики понимают, что девушки восхищенно смотрят не столько на крутые транспортные средства, сколько на них самих.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Вадим. А тебя?

– Лена. Знаешь...

И я замолчала, не в силах подобрать слова.

– Ребятня! Дай дорогу работающим! – провозгласила писклявая женщина в красном платье, что надвигалась с той же стороны, откуда приехал Вадим. Я ее заметила, а вот Вадим – нет, но, услышав голос, он обернулся. Теперь я могла видеть только его подсвеченные солнцем волосы.

– Боже ты мой! – она всплеснула руками, и я сразу поняла, что удивил ее не велосипед. Как и меня в тот день, впрочем. – Неужто ты, Вадимка?

– Здравсти, тетя Свет, – пробормотал он. Зато та самая тетя Света оказалась куда более смелой в выражении чувств. Она обняла мальчика длинными руками – или, если быть точнее, со всей силы сжала его, будто хотела расплющить. Но уже через секунду объятия прекратились, и она произнесла:

– Неужели вы опять решили погостить у нас в городе? Даже после запретов Константина... И почему Аннушка ничего мне не сообщила?

– Мы только приехали... – пробубнил Вадим.

– Надолго?

– Пока не знаем.

– Бедный мальчик! – женщина всплеснула руками сильнее прежнего. – С таким-то... Передай маме, что мы встретились, пусть она мне позвонит. Мой номер остался прежним.

– Хорошо, тетя Свет, – Вадим кивнул и чуть было не вскочил на велосипед, чтобы избавиться от двух надоедливых представительниц женского пола одновременно, как тетя Света вновь обратила внимание на меня. Растянула ярко-розовые губы в хитрой-хитрой улыбке и поинтересовалась:

– А что это за девочка с тобой?

– Это Лена, – ответил Вадим.

Я покраснела и зачем-то добавила:

– Я сама по себе.

– Ну, понятно, понятно, – женщина покивала, – дело молодое, в него взрослых тетенок не посвящают. Что ж, пойду, обед на работе подходит к концу. Не забывай передать все маме, – напомнила она.

– Передам, тетя Свет.

– Договорились. Бывайте, ребятня.

И эта тетя Света наконец ушла. Шла она в том же направлении, куда собирался ехать Вадим, поэтому он пару минут смотрел ей вслед, дожидаясь, пока расстояние между ними увеличится. А потом тетя Света завернула за угол, и Вадим облегченно выдохнул.

– Ну, пока, – бросил он мне. Я кивнула. Вадим вскочил на велосипед, чуть наклонился, нажал на педаль, потом на другую, проехал пару метров... тогда я не выдержала и позвала его.

Вадим обернулся и молча взглянул на меня.

Я спросила, стараясь говорить громко, чтобы он точно понял мой вопрос:

– А где вы поселились?

Мальчик кивнул влево, на серые многоэтажки, стоящие параллельно друг другу.

В целом, это было куда определеннее, чем если бы я стала прочесывать эту улицу и все, расположенные рядом с ней.

Я снова кивнула, и тогда Вадим поехал вновь. На этот раз – без остановок. Я бы, может, окликнула его ещё раз, но не осмелилась. Догадывалась, что он может разозлиться, а риск – дело благородное, но только не в начале отношений.

Я просто стояла и глядела ему вслед, пока он не скрылся вовсе, повернув налево, а не направо, как сделала это тетя Света.

Но это совсем не значило, что я не собираюсь его искать. Ведь я знала, где живет Вадим. Ладно, хотя бы примерно.

***

Это было необычно, но очень предсказуемо. Вот так: в первые же сутки после появления в моей жизни мальчишки, что смог меня заинтересовать, я повела себя несвойственно для своего же характера, но ожидаемо для ситуации в целом. Зачем интересоваться местом жительства, если не планируешь заглянуть в гости?

Нет, в гости заглядывать я не собиралась. Хотя бы потому, что не знала не то что номер квартиры – номер дома! Можно было, конечно, проявить настойчивость и напроситься в каждую предполагаемую квартиру, чтобы узнать, в ней ли живет Вадим... если, конечно, рука дотянется до звонка, а не онемееет в приливе страха. Но в самые важные моменты моей жизни наступают минуты необычайной невезучести. Если бы я начала поиски с первой квартиры первого дома, то в итоге оказалось бы, что Вадим живет в последней, причем третьего. Или наоборот.

Поэтому проситься в гости я не стала.

Зато решила совершить обход.

Ради этого мне пришлось встать не в девять или чуть позднее, как обычно происходило на каникулах, а в семь. Я еле разлепила глаза и кое-как нашла в себе силы дойти до будильника. Но потом вспомнила, зачем я все это делаю, и мотивация возросла. Чуть-чуть.

На кухне сидел папа. В одной руке он держал книгу, по которой увлеченно скользил глазами, в другой – чашку с кофе, за какие-то заслуги презентованную директором школы, где он работал. Причем в тот момент, когда я выглянула в коридор, из которого была видна кухня, папа пытался поправить сползшие на нос очки. Так как рукой с книгой он сделать это не мог – как оторваться от интересного повествования? – папа делал это рукой с кофе. Очки вернулись на место, зато чуть наклонилась вбок чашка, и из нее на страницу книги упала пара темных капель.

Папа тяжело вздохнул, поставил кофе на стол, взял салфетку из ажурной салфетницы, которую им с мамой на годовщину свадьбы подарила бабушка, и принялся осторожно оттирать следы увлекательного чтения.

Успех, видимо, никак не желал приходить, потому что папа секунд через двадцать покачал головой. А потом вдруг поднял взгляд – и увидел меня.

– Лена? – удивился он. – Ты почему проснулась?

– По будильнику, – ответила я, горестно вздыхая. Знаю, это был не тот ответ, что желал услышать папа. Но не могла же я тогда признаться ему во всем?

Я, может, смогла бы рассказать о своих мыслях маме. Но две недели назад она уехала в санаторий, отдыхать. Мама бы меня точно поняла. А вот папа... Тогда мне казалось, что для него, учителя литературы, порой главными становятся проблемы вымышленных персонажей, а не людей, которые его окружают.

– Извини, не услышал.

– Ничего, – я махнула рукой. – Он тихо прозвенел.

Да и разве важен какой-то будильник, если в вымышленном мире происходит нечто такое... Нечто более глобальное и важное?

– И все же, тебе куда-то нужно?

– Э-э... – я задумалась на пару секунд. Лгать я не любила никогда, но в тот момент, кажется, это был единственный выход. И тут меня осенило: – Мне нужно к восьми на школьный двор. Сегодня – наша с Катей очередь поливать клумбу класса. Пока солнце не слишком активное.

– Замечательно, – отец кивнул. – Ведь именно труд делает человека человеком. Кто же это сказал... Неважно. Будь готова к семи сорока, я тебя довезу.

Идея оказалась не такой уж гениальной. Школа располагалась не в противоположном конце города, но настолько же далеко от моего дома, сколько придется пройти до дома – предполагаемого – Вадима. То есть, мой путь увеличился в два раза. И это значило, что я могу не успеть.

– Спасибо, пап, но... мы с Катей договорились...

– Она ведь в соседнем доме живет? – прервал меня папа. Я кивнула. – Тогда она сможет поехать вместе с нами. Мы подождем, пока она выйдет во двор, и поедем вместе. Как идея?

Замечательная. Особенно если вспомнить, что на самом деле наша с Катей очередь была несколько дней назад и теперь наступит только через месяц. И я бы даже уговорила Катю притвориться ранней птицей и спасти меня, но Катя позавчера уехала гостить к бабушке и сама не знала, когда вернется.

Все складывалось не самым удачным образом, однако за те пару секунд, что я раздумывала над ответом, зазвонил наш телефон. Я вздрогнула и, не дожидаясь, пока папа вылезет из-за стола, пошла отвечать

– Слушаю, – произнесла я, сняв трубку.

– Это квартира Литвиновых? – уточнил собранный мужской голос.

– Да, вы попали по адресу. Кого-то позвать?

– А кто говорит? – несколько растерялся он.

– Подождите минутку, – отозвалась я, откладывая трубку на тумбу, где стоял телефон. Заглянула в кухню и произнесла: – Пап, там, наверное, тебя.

О чем они разговаривали, я не слышала. Но после этой беседы папа стал донельзя воодушевленным. Он ходил по квартире, напевая что-то себе под нос – таким я его вообще не помнила. А потом поцеловал меня на прощание в лоб и уехал, когда минут было только тридцать пять, совсем забыв о предложении подвезти нас с Катей.

С одной стороны, я обрадовалась этой его забывчивости. Но с другой... Меня не покидали сомнения: что там ему рассказали такое, что папа настолько вдохновился?

В тот момент я даже предположить ничего не могла.

Папа сам рассказал об этом, но чуть позже. И я тоже пока предпочту об этом не вспоминать.

В доме не осталось никого живого: ни людей, ни зверей, которых у нас никогда и не было из-за папиной аллергии. Поэтому моим передвижениям никто не мешал. Я раз десять прошла туда-обратно по длинному коридору, соединяющему все комнаты. Немного поговорила вслух сама с собой. А потом, когда на настенных часах в зале минутная стрелка уже преодолела восьмерку, поняла, что медлить больше нельзя, и полезла на балкон.

Там стоял он: покрытый пылью по всей поверхности и ржавчиной на металлическом руле. Зато шины были накачанными: пару недель назад приходил папин друг специально, чтобы подкачать их. Правда, после этого я на велосипеде ещё ни разу не ездила. Я вообще не очень любила велосипеды, кататься научилась только год назад – до этого новенький велосипед два года стоял на балконе – и пока не спешила овладевать этим искусством вновь.

Но тогда меня вынудил случай.

И я, еле-еле стряхнув слой пыли с руля и сидения, вытащила велосипед с балкона, прокатила по кухонному линолеуму и коридору и остановилась в прихожей. Вернулась к себе в

комнату и быстро скидала в рюкзак все самое необходимое: связку ключей, кошелек с несколькими монетками и серую кнопочную «Нокию», что мне подарили на день рождения. Не компьютер, конечно, но даже это мне было в радость. Я могла звонить и играть в змейку; что ещё надо было в тринадцать лет?

Велосипед. Тогда мне очень пригодился велосипед, пусть за прошедшее после покупки время он стал мне маловатым.

С шестого на первый этаж пришлось спускать его в лифте, после – осторожно катить его по лестничному пролету.

Пискнула подъездная дверь, я оказалась на улице. Докатила велосипед до тротуара, боязливо села на него и попыталась поехать. Первая попытка закончилась неудачно: я затормозила спустя метра два, боясь свалиться. Зато во второй раз все прошло лучше: пусть я ещё неустойчиво держалась, и руль болтался из стороны в сторону, и проезжать мимо людей я боялась, потому что могла их сбить, – но я ехала вперед. Добралась, скрипя спицами, до парка и повернула к трем серым многоэтажкам.

Тяжело дыша из-за усталости, я смотрела вокруг, когда объезжала их по окружности. Город не пустовал: постепенно в нем появлялось все больше людей. Начинало припекать солнце, грелся серый асфальт под колесами. Я сделала круга три, пожалуй, у этих домов, но среди покинувших их людей не было ни одного, который хотя бы отдаленно напоминал мне Вадима.

Когда время приблизилось к девяти, я сдалась. Наверное, я и в самом деле вышла слишком рано. И вообще нужно было идти пешком, это не настолько энергозатратно. Но я подумала, что на велосипеде лучше всего будет кататься именно утром, забыв о том, что мы с Вадимом встретились во время обеда. И самонадеянно решила, что смогу составить ему компанию – ведь вчера он ехал один.

Он – один. И я – сама по себе. Так почему же я, запыхавшись, ездил вокруг тех несчастных трех домов, дожидаясь Вадима?.. Возможно, он вообще указывал не на них, а на дома за ними. И тот островок, что я очертила велосипедом – лишь одна сотая того, что я должна проехать?

Я смотрела на окна, желая разглядеть в них нужный мне силуэт. Не разглядела. И сдалась. Когда до десяти утра осталось минут двадцать, вскочила на велосипед, намереваясь уехать отсюда. И даже уехала на несколько метров... Но потом меня окликнули.

Не я – меня.

Я выставила ноги по сторонам, забыв, как надо тормозить. Благо, не сильно разогналась, иначе запросто бы свалилась. Спрыгнула, стукнувшись ногой о раму. Овернулась, чувствуя дрожь в коленях.

Я не могу сказать, что это был очень знакомый голос. Но могу сказать, что он был желанный. Я приехала сюда, чтобы услышать его. И я его слышала, хотя и очень боялась, наконец, нормально повернуться и посмотреть глаза в глаза тому, кто меня звал.

– Лена? – повторил он. Вадим.

– Да?

Я глубоко вдохнула, а потом все же подняла глаза. Это действительно был Вадим. И он меня узнал. Узнал! Значит, моя смелость не истратилась даром!

– Привет, – произнес он.

В тот день на Вадиме были камуфляжные шорты, красная футболка и зеленая бандана, убравшая с лица волнистые волосы и открывшая высокий лоб.

Он был таким красивым, а я такой глупенькой, что на моем лице сама собой расцвела улыбка. Но уже через секунду я спохватилась и произнесла:

– Привет. Куда-то едешь?

– Вообще, – отозвался он, поправляя рукав футболки, – я увидел тебя и...

– И? – уточнила я.

Сердце бешено застучало.

– И велосипед.

Я рассмеялась. Вадим улыбнулся – на его щеках появились милейшие ямочки – и быстро закончил:

– Поэтому я у тебя хотел спросить, куда едешь ты. Представляешь, только глаза открыл, посмотрел в окно, а там ты стоишь. Еле успел. Так что?

– Ага... – протянула я. Только бы не выдать себя! Но все это так грело душу, что очень хотелось улыбаться. – Меня попросили... Папа. Отвезти. То есть наоборот. Привезти. Купить и привезти лейку, – выкрутилась я, вспомнив об утреннем происшествии.

– Что же... – протянул Вадим. – Если ты не против, я сгоняю с тобой. Но где у вас тут поблизости хозяйственные магазины?

Он подошел к делу основательно, и это очень меня порадовало.

Вадим хотел помочь. Помочь – мне! Такой приятный парень сам вызвался оказать эту помощь!..

Я огляделась вокруг – почему-то расположение всех хозяйственных магазинов вылетело из головы. Спустя секунд десять вспомнила только самый большой, и мне ничего не оставалось, как назвать именно его.

– В центре? – уточнил Вадим растерянно. Я покраснела и опустила голову, но уже через мгновение Вадим произнес: – А, все время забываю, какой у вас город маленький...

– Нормальненький, – не вытерпела я. В нашем городе на тот момент жило около ста тысяч жителей. – А ты из миллионника, что ли?

– Ага, – и Вадим назвал крупный город, расположенный часах в шести езды. Я покачала головой. Городской житель, ничего не скажешь! – Но у вас тут красивее. И воздух менее плотный. Так что, едем?

Я кивнула. И, пока забиралась на велосипед, Вадим успел меня окликнуть:

– Лена?

– Да?

– А ты где живешь?

Я махнула рукой на микрорайон, расположенный за полем, что отделял мой дом от дома Вадима.

Он чуть прищурился и уточнил:

– А если точнее?

– Что, в гости придешь? – не вытерпела я.

– А может и приду! – отозвался Вадим.

Я фыркнула и продиктовала улицу, дом и квартиру.

– Жду. Только у нас к чаю ничего нет.

– Да у нас тоже в принципе... – протянул Вадим. – Поэтому, наверное, я и не позавтракал... А продуктовые у вас какие-нибудь в центре имеются?

– Конечно! – отозвалась я. Вадима стало жалко. А за себя по-глупому приятно. Голодный выбежал из дома!.. А все ради встречи со мной. – Так что едем, – повторила я его фразу. И гордо села на велосипед.

И мы поехали.

Поехали странно. Хотя бы потому, что я показывала дорогу и очень боялась свернуть не туда, хотя поворотов на нашем пути было всего два. Сначала мы долго – аж минут пять, наверное, – ехали по прямой. Я спереди, бурчащий что-то Вадим – сзади. Потом повернули направо и снова ползли по прямой. Потом стали искать пешеходный переход, потому что я вдруг забыла, где он находится. Все-таки нашли и, повернув налево, благополучно добрались до нашего центра: нескольких торговых зданий, стоящих друг напротив друга.

Продуктовый, в который обычно ходили мы с семьей, располагался на нашей стороне, в него мы сначала и сходили. Вадим купил вафельный рожок себе и мне тоже, как бы я не отказывалась, и спрятал их в рюкзак. Мы вновь перешли дорогу – благо, тут пешеходный переход был один, заметный за километр, и пошли в хозяйственный магазин.

Тех тридцати семи с половиной рублей, что оказались у меня с собой, на лейку, даже самую маленькую, не хватило. Вадим раз пять проверил ценники, раз пять же почесав за ухом – бандану он к тому времени снял, и потом все-таки заметил, впрочем, не пытаясь укорить меня:

– По-моему, ты не рассчитала ресурсы.

– Возможно, – согласилась я легко.

– Ты не переживаешь по этому поводу? – удивился Вадим.

– Нет. А должна?

– Ну не знаю, – он пожал плечами. – Обычно все девочки, с которыми я знаком, переживают по любому поводу. А ты вот нет.

– Подумаешь – лейка... – протянула я, краснея, и отвернулась в сторону.

Вадим неожиданно спросил:

– Ты вообще за лейкой ехала? Ленка-лейка, – он хмыкнул.

– И вот не надо мной издеваться... – заметила, отворачиваясь еще больше.

Но Вадим взял меня за запястье и легко потянул на себя.

В то время мы с ним были одинакового роста. Я – метр шестьдесят пять, и он примерно столько же. Вот только я за то время, что прошло после всего этого, совсем не выросла, а Вадим... Я послушно повернулась – то ли от неожиданности, то ли от того, что действительно хотела повернуться, – и мы встретились взглядом.

Глаза у него были карими, с зелеными крупинками возле зрачка. Наверное, они совсем-совсем зеленые под определенным углом. Вот у меня – только серые, как ни крути, и тогда были, и сейчас.

– Ответ, – то ли попросил, то ли приказал он.

– Не шантажируй, – я чуть наклонила голову. Вадим скопировал мое движение – теперь и он, и я стояли, как попугайчики, и заметил:

– Это не шантаж.

– Что же это тогда?

На самом деле, тринадцать лет – странный возраст. Ты уже не ребенок, чтобы все окружающие были для тебя только друзьями и никем большим. Но и не взрослый, чтобы ввязываться в отношения.

Но если ты любишь?..

До тринадцати лет я любила только маму, папу, собачек и кошечек, которых у меня никогда и не было, а ещё вышивать крестиком и смотреть телевизор вопреки словам папы.

Тринадцать мне исполнилось за четыре месяца до того, как я повстречалась с Вадимом.

Мимо нас прошла работница магазина, – я повернулась в ее сторону и заметила недовольное выражение лица. Осторожно освободила свое запястье от хватки Вадима и нелепо ему улыбнулась.

– Здорово будет, если сейчас наши велики угонят?

– Что? – переспросил он, погруженный в свои мысли.

– Говорю, что идти надо. Проверим, как там велики. Ладно ещё мой... – продолжала рассуждать я, когда мы уже двинулись к выходу, так ничего и не купив. Интересно, папа очень разозлится из-за отсутствия лейки, которая ему была гипотетически нужна? – Но вот твой, такой красивый...

Вадим нахмурился. Велосипедом он наверняка дорожил. И все то время, что мы были в продуктовом, поглядывал в окошко, где стояли наши с ним велосипеды, прислоненные друг к другу. А сейчас вот увлекся разглядыванием леек.

Не знаю насчет Вадима, но внутри меня с каждой секундой паника только нарастала. И к тому времени, когда мы добрались до выхода, я уже чувствовала, что начинаю дергаться.

Вадим толкнул дверь, и мы оказались снаружи.

Верно говорят, что язык мой – мой враг. Порой я могу ляпнуть нечто такое, ужасно несуразное, что сразу же находит воплощение в реальности. И сейчас, замерев, мы с Вадимом наблюдали за тем, как какой-то мальчишка лет восьми, усевшись на черный прекрасный велосипед – ясно, что не мой, пытается по-быстрому смотаться.

Это просто он ещё не знает, что мы здесь...

Вадим опомнился первым.

Он сорвался с места, сбежал со ступенек и помчался спасать велосипед. Мальчишка, завидев преследователей, сорвался с места и усердно закрутил педали. Не догонит, ух, не догонит!.. Уже через секунду, очнувшись, я бросила Вадиму в спину:

– Хватай мой!

Вадим понял все правильно и направился к моему велосипеду. Я рассудила так: на одном велосипеде за другим угнаться будет быстрее. Но учесть особенности велосипедов забыла. Вадим подхватил мой велик, запрыгнул, поехал, едва не врезаясь коленями в руль. Ха, думал, это так просто?..

И все вроде бы стало хорошо. Расстояние между преследователем и угонщиком стало сокращаться.

А потом впереди показался резкий поворот и – я ясно это видела – Вадим сжал правую руку, чтобы использовать ручной тормоз и немного замедлиться перед поворотом.

Но никакого ручного тормоза у меня не было.

Поэтому Вадим не затормозил. Следовательно, и не повернул. А упал на зеленый газон. Раздался грохот. Я ахнула и ринулась к нему. Мальчишка-угонщик, слышав грохот, решил обернуться и посмотреть, что же там происходит. Обернулся, посмотрел. Но не справился с управлением и тоже упал.

Наверное, это было смешно, но мне хотелось только ахать.

Мальчишка громко заревел: он был маленький, а велосипед, упавший сверху, большой и массивный. А Вадим уже почти выкарабкался... Поэтому я поменяла вектор: бросилась к неопытному угонщику.

– Вылезай, – пробормотала, протягивая ребенку руку. Он поднял рыжую голову и взглянул на меня заплаканными глазами. Но руку все-таки взял.

Выбрался, потер ударенные локти.

– Как себя чувствуешь? – спросила участливо.

– Нормально, – он шмыгнул носом. – Только не бейте, тетя.

– Какая ж я тебе тетя? – возмутилась я, никак не отреагировав на слова про побои.

Справа кто-то прикатился. Или не кто-то. Это был Вадим, и он смотрел на мальчишку куда более хмуро, чем я.

– Ну и что же подвигло тебя на такой поступок?

Я повернулась к нему и уточнила обеспокоенно:

– А ты как?

– В порядке, – отмахнулся Вадим. – Честно говоря, я думал, что сначала ты подойдешь ко мне.

– Тебя спасать?

– Свой велосипед...

– Если честно, сначала я и хотела подойти к тебе... – начала объясняться я. – Но не затем, чтобы спасти велосипед, а...

– О-о-ой, замутило что-то-о-о, – протянул мальчишка, прерывая наши разговоры. Он покраснел, прислонил ладони к щекам.

– Господи! – воскликнула я. Схватила его за плечи. Вроде бы, ребенок не собирался падать. Но это только вроде бы. А если упадет? Что-нибудь ещё расшибет себе?

Мальчик дернулся. Похоже, я задела за больное место, оставленное велосипедом Вадима. Я повернулась к своему спутнику и спросила:

– Может, отведем его к кому-нибудь? Тут до больницы не так уж далеко...

Я вопросительно взглянула на него, чуть ослабив хватку. Вадим в ответ посмотрел на меня.

Через секунду я ощутила легкость. Руки, больше ничего не касаясь, бессильно опустились вниз. Я удивленно повернулась в сторону мальчика. Неужели упал? Но ведь грохота не было...

Как и мальчишки. Он сорвался с места и уже бежал вперед. Резко похорошело, видимо. Улепетывал он резво. Видимо, у молодых все заживает быстро. Даже мгновенно.

– Пусть бежит, – сказал Вадим мне в спину.

– Конечно, пусть, – пробормотала я, – я же за ним не побегу. Как и ты, покалеченный....

И все равно чувство, что меня обманули, никуда не ушло.

– Пф, – отозвался он. – Я каждый день с велосипеда десять раз падаю. Ладно, падал раньше, сейчас чуть поменьше, но... такова уж она, участь велосипедиста.

Я фыркнула и, не выдержав, рассмеялась.

Напряжение стало меня покидать, хотя, и вправду, ситуация заставила понервничать.

Мальчишка вдруг остановился и на этот раз не из-за шума. Навстречу ему шел мужчина в широком пиджаке – или широкими были его плечи – с такими же рыжими волосами, как у нашего недавнего знакомого.

Сейчас ребенку было уже не до нас.

Вадим, поставив мой велик на подножку, поднял с земли свой, бережно отмахнул невидимые травинки, чуть надавил на сиденье, покрутил руль, наклонился, чтобы посмотреть на спицы. Что сделала я? Ну... Быстро взглянула на свой транспорт и поняла, что пополам он не сломан. Значит, доеду.

Когда осмотры – и Вадима, и мой, – были закончены, он взглянул на меня и вдруг предложил:

– Может, чаю?

– А?

– Чай, – пояснил Вадим. – Такой напиток.

– Я знаю... – протянула задумчиво. – А причем тут он?

– Пить.

– Что пить?

– Не могу понять, – Вадим взлохматил длинную челку. – Ты издеваешься или серьезно. По-моему, из нас двоих в последнее время головой ударялся я.

– А я по жизни – того, – пояснила миролюбиво. – Ну давай выпьем. Только где его взять? У тебя с собой термос? – засомневалась я.

– Ага, пятилитровый...

– Теперь издеваешься ты.

– Эх, Лейка, – он покачал головой. – Объясняю. У меня такое предложение. Мы можем ещё немного покататься, а потом... ладно, я официально приглашаю тебя в гости.

– Официально? – я фыркнула. – Ты бы лучше отдохнул... – Я перевела взгляд на его ноги и ахнула.

– Что такое? – уточнил Вадим обеспокоенно. И тоже посмотрел вниз. Голень правой ноги была в точках крови – видимо, он содрал верхний слой кожи, когда летел с велосипеда, а на второй наливался фиолетовый синяк. Даже не синяк, а целая галактика. – А, – отмахнулся он. – Пустяки.

– Господи...

– Говорю же, у меня такое каждый день, – повторил Вадим, но я ему не поверила. И через секунду заметила кровь на лбу и едва ли не схватилась за сердце.

– Что ещё? – вздохнул он.

Я слотнула ком, застрявший в горле, и ответила:

– Ты пробил себе голову.

Вадим коснулся того самого места, где была кровь, как будто знал, где он именно себе ее пробил, и заметил:

– Ну у тебя и фантазия, Ленка. Вообще-то это не голова.

– А что тогда?

Нервно хихикнула.

Вадим молча показал мне руку с окровавленным пальцем.

Я сделала глубокий вдох и призналась:

– Я сейчас тебя побью, честное слово, хотя мы с тобой знакомы только сутки. Ты весь в ранениях и говоришь, что это пустяк! Надо обработать, вдруг инфекция? Что же это за безалаберность такая? – Возможно, сейчас я была похожа на мою маму, которая частенько выговаривала мне подобное, но промолчать я не смогла. – Так что мы сейчас действительно идем к тебе в гости, но не чаи пить.

– Лена-а-а... – попробовал что-то сказать он.

– А обрабатывать твои ранения. – И добавила жалостливо: – Почему ты не думаешь о своем здоровье?..

– У меня мама медик, поэтому о моем здоровье думает она.

– Но сейчас ее рядом нет.

– Правильно, она на работе...

– Поэтому тебе придется задуматься о себе самому, – припечатал я. – Ты сможешь ехать? Или лучше пойдем? А перекусить у вас есть дома?

– Смогу, поедем, есть, – отрапортовал он. – Лена?

– Что? – уточнила я, поднимая голову от велосипеда, на который собиралась залезть.

– У тебя глаза красивые. Ну, когда ты злишься, – признался он.

– Я не злюсь, а беспокоюсь.

– Тогда еще красивее, – согласился Вадим.

На это отвечать я уже не стала: лишь кивнула. И мы поехали. Говоря «мы», я имею в виду и Вадима, который сел на велосипед вопреки моим протестам.

Глава 2. Мамочки

Вадим жил на втором этаже, почти в самом конце дома, в том самом конце, около которого утром стояла я, уставшая и расстроенная. Именно поэтому он смог меня разглядеть. Именно поэтому спустился ко мне. И именно из-за меня или, если быть точнее, лейки, будь она неладна, мы сюда вернулись.

То есть, мы хотели вернуться сюда на чай, но чай пока пришлось отложить.

Вадим спрятал велосипеды, и мой, и свой, в каморке на первом этаже, ключик от которой ему дал сосед снизу. Очень уж ему мальчик понравился. И Вадим, не будь наделенным излишней скромностью, ключик принял и теперь мог каморкой пользоваться.

– Это ж сколько вы тут живете, что ты успел завоевать расположение? – спросила я, пока мы поднимались по лестничным пролетам. Один, два, дверь. Так быстро.

– Чуть больше недели... – ответил он. Потянулся к волосам, но отдернул руку. Как бы Вадим не храбрился, я-то знала, что ранения доставляют ему если не боль, то дискомфорт.

– Быстро ты...

– Я умею быть хорошим, – он посмотрел на меня и фыркнул.

Мы остановились у двери, Вадим стянул с плеча рюкзак и вытащил из него ключ.

– Заметно, заметно...

Он вставил ключ в замочную скважину, сделал два полных оборота, вынул его. А потом ручка наклонилась сама по себе, и дверь, скрипнув, чуть приоткрылась.

Мы с Вадимом переглянулись, но уже через секунду изнутри прозвучал мягкий женский голос:

– Вадим, отойди, чтобы я тебя дверью не задела.

Вадим отошел – сделал медленный шаг назад. Зато я отпрыгнула: не то испугалась, не то... испугалась. Но не двери, а встречи.

Кому ещё может принадлежать такой теплый голос с нотками мудрости, так заботливо произносящий имя? Кому, кроме...

– Открывай, мам, – пробубнил Вадим, подтверждая мои догадки.

Дверь распахнулась, и я увидела женщину лет сорока с золотыми кудрями и черными пушистыми ресницами, одетую в скромное серое платье. Сначала ее губы растянулись в улыбке: ещё бы, ведь она увидела своего сына, наверняка любимого. Но уже через секунду, как бы я не пыталась слиться с тенью лестничной клетки, мама Вадима заметила меня и чуть изогнула тонкую бровь.

– Вадим? – спросила удивленно. – Не подскажешь, кто с тобой?

– Это Лена. Мы катались вместе...

– Так рано?

– Да, и я... – Вадим замолчал. – Мам, а ты почему дома?

– А не должна была? – она качнула головой. – После ночной смены вернулась, но, как понимаешь, не обнаружила тебя.

– Пф-фу... – отозвался Вадим. – Никак не могу привыкнуть, что ты теперь по-другому работаешь. В общем, мама, не ругайся, но я пригласил Лену в гости, а ещё... – Он замолчал, собираясь с мыслями, и вскоре продолжил: – Мы должны были ещё покататься, но произошел один нелепый случай, и я немного ударился.

Он кивнул головой на ноги, и его мама, нахмурившись, произнесла:

– Ах ты, мой горемычный. Заходи, лечиться будем, – она быстро взглянула на меня, как-то по-иному, и я пробормотала еле слышное «здравствуйте». – И ты заходи, Лена, – продолжила она. – Посидишь на кухне, пока мы с Вадимом будем возиться.

– Да я могу и домой пойти... – заметила несмело.

– А велосипед как возьмешь? – Вадим повернулся ко мне. – Заходи, Лен. Понимаю, что как-то все получилось по-дурацки...

– Из-за меня? – полюбопытствовала женщина.

– Из-за меня, мам, – ответил Вадим. – Из-за того, что я с велика полетел.

Мне стало в три раза более неловко, но внутрь я все же вошла.

Вадим развязывал шнурки, его мама ушла на кухню – через несколько секунд я услышала, что зашипел чайник. Я уже скинула кеды, спрятала их в уголок и тихо спросила:

– Вадим, а как мне маму твою называть?

– Можешь тетей Аней, – он хмыкнул.

– А если нормально? – зашипела я.

– Анна Алексеевна. А меня Вадимом Константиновичем. Как звучит, а?

Он распрямился. Я слабо улыбнулась, и тогда Вадим вздохнул:

– Не переживай ты так. Или у тебя мазерфобия? Посидим, чай попьем. Правда, не уверен, что у нас появилось что-нибудь из съедобного... Но у меня там ещё трубочки были, если, конечно, они совсем не рассыпались...

– Вадим?

Анна Алексеевна – вот уж действительно красиво звучит – выглянула в коридор и спросила:

– Ты идешь? Лена, – она обратилась ко мне – ее голос пытался заглушить шум греющейся воды, – а ты проходи на кухню. Скоро чайник закипит. Какой ты хочешь чай: черный, зеленый? Или, может, кофе?

– Зеленый, – ответила я.

Анна Алексеевна кивнула и исчезла. Мы с Вадимом разошлись – он пошел в ванную, скрытой за белой дверью со значком душа, а я чуть дальше, на кухню, где его мама уже налила для меня чай в стеклянную чашку с черным узором и положила в вазочку печенье, которое потом убрала в верхний ящик гарнитура. От сына, наверное.

– Посиди пока тут.

Я кивнула и осталась одна.

Здесь было красиво: покрашенные зеленой водостойкой краской стены, мраморный линолеум на полу, круглый стол, накрытый мягкой скатертью, бело-серый гарнитур. Семья Вадима явно купила квартиру с хорошим ремонтом, может, даже с мебелью – не успели же они сделать и поставить все это сами всего лишь за неделю? И все же пока тут не хватало уюта: каких-то мелких деталей, вроде цветка на окне или журнала на тумбочке, которые указывали бы, что здесь живут люди.

Но ничего. Это придет со временем. Понятно, что за неделю не так-то просто обжиться.

Вадим с мамой о чем-то разговаривали, а я сидела с ровной спиной, маленькими глотками пила чай и жевала печенье.

Минут через семь дверь в ванную открылась, и из нее вышла сначала Анна Алексеевна, которая направилась куда-то по коридору, потом Вадим. Он прошел на кухню и резко сел на стул, вздохнул.

– Совсем плохо? – спросила я тихо.

– Нормально, говорю же.

Он взглянул на меня, но уже через секунду заметил вазочку с печеньем.

– Это что?

– Это меня твоя мама угостила...

– Нет, ну так дело, конечно, не пойдет... – Вадим поднялся со стула, открыл серый шкафчик с посудой и вытащил из него кружку, такую же, как у меня, не закрыв дверцу. Поставил ее на стол, вернулся к гарнитуру. Видимо, в Вадиме проснулась совесть – он выглянул в коридор и прокричал: – Мам, тебе нужен чай?

– Да, – отозвалась Анна Алексеевна, похоже, из другой комнаты.

– А тебе какой? – несколько секунд Анна Алексеевна молчала, и тогда Вадим повторил: – Мам, какой тебе?

– Любой, сын, – ответила она, входя в кухню. – Проще сделать все самой, чем ответить на твои вопросы. Ты же знаешь, что я только зеленый пью.

– Ну откуда мне знать? – пробормотал Вадим. Но чай все-таки заварил. Теперь и у меня, и у Анны Алексеевны черные завитки на кружке удачно контактировали с желтовато-зеленым чаем, зато завитки кружки Вадима почти сливались с налитой в нее жидкостью.

Я сидела напротив Вадима, а его мама – перпендикулярно нам, и пару минут мы молчали, прежде чем Анна Алексеевна, сделав несколько мелких глотков чая, спросила:

– И давно вы знакомы?

– Со вчерашнего дня, – признался Вадим.

Я кивнула, пытаюсь скрыть смущение за чашкой чая.

– И как же вы познакомились? – продолжала задавать вопросы Анна Алексеевна. – Так сдружились быстро...

Я хотела убедить ее, что мы не дружим, но это бы лишь смутило меня еще больше. Поэтому я молча пила чай, сожалея, что он вот-вот закончится и щит спадет.

– Лена мне движение тормозила... – протянул Вадим. – Встала посреди тропинки, и я не смог проехать. А потом... Ой, кстати, мам! Тетя Света говорила, чтоб ты ей позвонила.

– Тетя Света? – Анна Алексеевна нахмурилась.

– Ну да, – Вадим кивнул. – Парикмахерша которая.

– Ах, Света... – она махнула рукой. – Я перезвоню ей позже. Даже забыла о ее существовании, столько всего прошло, – отозвалась Анна Алексеевна просто. Забыла. Столько прошло. Я тогда не поняла ее, но ведь понимание приходит с возрастом.

Бывают в жизни такие периоды, которые стараешься забыть. А вместе с ними забываются и люди.

Мы ещё немного попили чай, и минут через пять я, смущаясь, сказала Вадиму, что все же хочу уехать. А для этого мне нужен, собственно, велосипед.

– А я думал, что ты ещё немного погостишь у меня, – отозвался он. Мы поднялись из-за стола – Вадим поставил свою кружку в раковину, и я последовала его примеру. Анна Алексеевна осталась на кухне, зато мы с Вадимом вышли в коридор.

– Для первого раза я погостила неплохо...

– Ты ещё не съела свою трубочку.

– Чай мы уже попили.

– И я хотел тебе кое-что показать...

– Мы знакомы всего два дня!

Наши взгляды встретились – глаза Вадима блеснули колдовской зеленью – и я, не выдержав, рассмеялась. Вскоре ко мне присоединился и Вадим. Успокоившись, он все же спросил:

– Почему тебе так весело?

– Просто, – я фыркнула. Чуть коснулась его предплечья и произнесла: – Не обижайся, но это так. Мы ещё все успеем. – И добавила тише: – Надеюсь.

– Успеем, – Вадим качнул. – Прости.

– Да ничего страшного...

– Последний месяц прошел в спешке, – продолжил он, – вот я и продолжаю бежать. По инерции. Ну, знаешь, так говорят? – Я кивнула, и Вадим вновь словил мой взгляд, произнес: – Спрошу сейчас, чтобы потом не забыть в этой суете. Лена, ты придешь ко мне на день рождения?

– День рождения? – уточнила я заворуженно. – А когда?

В кухне шумела вода: кажется, Анна Алексеевна мыла посуду. Но сердце стучало в пять раз громче.

– Через неделю. Одиннадцатого июля.

– А сколько тебе? – я чуть прищурилась.

– Пока что двенадцать.

– Ха, – я махнула рукой, – а мне больше.

– Дай угадаю, – Вадим нахмурился. – Тридцать?

– Ах ты!..

И мы вновь стали смеяться, поэтому ушла я намного позже, чем хотела.

***

То пусто, то густо.

Об этом я думала одиннадцатого июля, когда ходила туда-сюда по длинному коридору. Сегодня мне нужно было встретить маму с санатория, мы об этом с ней договорились ещё три недели назад. Но также сегодня отмечал день рождения Вадим, и об этом он тоже сообщил мне заранее. На той неделе, когда я побывала у него в гостях. Вот только время назвал лишь вчера, вернее, уже сегодня ночью, когда я позвонила ему после полуночи, чтобы поздравить первой. И его время совпало с тем временем, когда мы с папой должны были поехать за мамой.

Вадиму я в этом сразу не призналась – смутилась, не хотелось портить момент, а теперь вот размышляла.

Хоть разорвись.

Но я не разрывалась, а занималась чем-то третьим, посторонним.

В квартиру вошел папа в красивой рубашке. В руках он держал завернутые в газету цветы. Это наверняка белые хризантемы, мамыны любимые. Он посмотрел на меня через круглые очки и спросил:

– Почему ты ещё не готова, Лена?

– Я почти, – отозвалась, смущаясь. – Пап, слушай, а на обратном пути ты меня не высадишь раньше дома?

– С подружками встретиться договорились? – предположил папа.

– Не совсем, – ответила я, – но почти. Меня пригласили на день рождения! А день рождения у этого человека неудачно выпал на дату маминого приезда.

– Тут неудачной, скорее, была именно дата, – папа мне подмигнул. – Собирайся, Ленка. Высажу. Но сначала за мамой.

Да. За мамой.

И я надела голубое платье, сшитое из летящей ткани. Длинная юбка, открытые плечи – я была похожа на нежного мотылька и даже сама себе нравилась. Распустила волосы, которые в детстве казались мне золотистыми. Когда мама была дома, она красиво закручивала их, делая похожими на пружинки. Но мамы не было, и я изо всех тормозила ее появление.

Прихватив рюкзак со спрятанным на дне свертком-подарком, я вновь появилась в коридоре. Папа ждал в прихожей, прислонившись к стене. Завидев меня, он удивленно поднял брови. Я не выдержала, фыркнула:

– У меня двойной праздник!

– Лена, – папа покачал головой. Я быстро надела балетки, и мы покинули квартиру. – Как быстро ты взрослеешь!.. Лет двенадцать назад я и предположить не мог, что пищащее глазастое чудо вырастет в такую красавицу.

Я нажала на кнопку лифта и взглянула на папу с укором:

– Хорошо ты меня охарактеризовал.

– А спустя ещё двенадцать? Тебе будет двадцать пять, и, я уверен, к тому времени ты уже обзаведешься собственными детьми. Главное, чтобы они пищали поменьше твоего.

– Знаешь, папа...

Створки лифта разъехались в сторону, и мы оказались внутри.

– Я всегда буду рядом с вами. С тобой и мамой. Могу попицать, если хочешь, – и рассмеялась.

– Не стоит, – отец страдальчески поморщился, – несмотря на то, что ты уже взрослая, воспоминания об этом до сих пор ярки.

– Ох, папа!..

Мы поехали за мамой на вокзал. Ее поезд прибывал в половину двенадцатого. А мой, везший шанс отметить день рождения Вадима, отъезжал ровно в полдень. На это время Вадим меня и пригласил. И я точно знала, что не успею прийти. До вокзала ехать полчаса, он расположен на самом краю города. Пока мы встретим маму, пока все упакуем, пока обратно... Самое раннее – управимся к часу.

И Вадим об этом не знает.

Нет, просто тихушничать я не собиралась. Хотела написать без пятнадцати минут двенадцать, что не смогу прийти к нему, потому что встречаю маму. Или смогу, но с опозданием, если он меня, конечно, будет рад видеть. Понимаю, очень некрасиво. У него там гости, пригостования. Здорово будет, если я ввалюсь в самый разгар обеда, жаждущая внимания.

Но как я могла поступить ещё?

Другого решения я не видела. Не могла же я бросить маму. Мы с ней три недели не виделись, только созванивались изредка. И мама всегда говорила, что очень по мне скучает, хотя и в санатории ей нравилось. Вот только, упоминала она, как бы хорошо не было вокруг, а с родными людьми лучше.

Мимо нас проносились дома, кустарники, ларьки, велосипедисты... Как я ни вглядывалась в их лица, Вадима не увидела. Да и что ему кататься на велосипеде в свой день рождения?

Мы появились на вокзале в начале двенадцатого. Побродили по мощеной плитками площади, посидели около фонтана. Мне вообще нравился этот вокзал. Он был маленьким, но таким уютным... Двухэтажное светлое здание, окруженное зелеными деревьями. Несколько составов, стоящих на железной дороге. Ряд автобусов, причем за все время, что мы находились тут, отъехал только один.

В более крупных городах вокзалы больше, но и шуму от них... А у нас – почти что тихо и мирно. Чувствуется какая-то гармония с природой. Голуби, вон, вечно кружат рядом: летом на тонких розовых лапах ходят по плиткам, зимой прогуливаются по льду. Совсем ничего не боятся.

Спустя некоторое время диктор объявил о прибытии маминого поезда, и мы с папой, как ещё некоторые встречающие, пошли к третьему вагону. Мама выходила одной из последних: в льняном брючном костюме, с вьющимися волосами и солнечными глазами, голубыми-голубыми, ярче, чем небо. Папа помог спустить чемодан, а я сразу бросилась в мамины объятия.

– Леночка, – прошептала мама мне в волосы. – Я тоже очень по тебе соскучилась, доченька. А платье у тебя какое красивое!..

Вскоре к нам присоединился и папа. Мы стояли так, обнявшись, несколько секунд, пока нас не заменили новые прибывшие. Я шла рядом с мамой и не могла оторвать от нее взгляд. Какая она была красивая тогда! Отдохнувшая, здоровая, улыбающаяся. Счастливая. Действительно счастливая.

И я в тот момент подумала о том, что хотела бы стать такой же, как она. Чтобы у меня был муж и дочка. Чтобы они меня встречали и обнимали. Чтобы я была нужна кому-то, кроме мамы и папы.

Чемодан подпрыгивал на кочках, возмущенно дребезжа, но мы не обращали на это внимания. Мама обнимала меня за плечи – в то время я была совсем чуть-чуть выше ее, а другая ее рука переплелась с рукой папы.

Мама рассказывала нам о том, как прошло ее времяпровождение в санатории и, пусть я слышала некоторые из этих историй по телефону, менее интересными они не стали. Я завороченно слушала мамин голос, улыбаясь и ахая.

Но уже скоро мы остановились у машины. Папа открыл багажник, чтобы спрятать в него чемодан, после они и вовсе отошли с мамой на пару метров – наверное, обсудить какие-нибудь технические вопросы. Этот перерыв нужен был и мне. Я вытащила из рюкзака мобильник, и, щурясь, чтобы хоть что-нибудь разглядеть, напечатала:

«Привет. Прости. Встречаю маму».

Кнопки пищали, пока я набирала это сообщение, и я закрывала динамики, чтобы никто ничего не заподозрил. Но, кажется, что-то родители все же заподозрили. Как только я, колебавшись пару секунд, отправила сообщение, ко мне обратилась мама:

– Лена? Папа говорит, ты хотела к кому-то ехать. Мы с папой думали зайти в какое-нибудь кафе. Мне есть, что тебе сообщить.

Я повернулась и покраснела:

– Ну... Наверное. Меня пригласили на день рождения, но, мам, я хочу побыть с тобой!

Мама улыбнулась и вновь заключила меня в объятия.

– Ленка, Ленка... А кто пригласил? У Кати, насколько помню, день рождения осенью. Какая-то другая девочка?

– Ой, нет, – протянула я. – Не девочка.

– Мальчик? – мамина улыбка стала ещё шире.

– Я хотела тебе рассказать, но не по телефону. Понимаешь, мам... – и я внимательно на нее взглянула. Глаза наверняка воодушевленно пылали. – Его зовут Вадимом! И мы с ним вместе катаемся на велосипедах. Неделию назад познакомились. Они недавно переехали сюда с семьей... Он меня и пригласил.

– Как интересно, – мама качнула головой. – И во сколько все начинается?

Папа, что до этого скромно стоял в стороне, не выдержал и произнес:

– Дамы? Как насчет того, чтобы отправиться в путь? Настя, – он с таким невообразимым теплом посмотрел на маму, что мне захотелось отвернуться – слишком искренним был этот момент, предназначенный только для них двоих.

– Едем, едем, Сашенька, – отозвалась мама. – Одну секунду. Лен?

Распахнулась дверца машина, и почти одновременно прозвучало:

– В двенадцать, – это говорила я, отвечая на мамин вопрос.

– Совсем забыл! – а это восклицал папа.

Зашуршала газетная бумага, и через несколько секунд мы с мамой вдвоем смотрели на папу, почти полностью скрытого за белым пышным букетом хризантем, лишь связанных лентой. Мама никогда не любила шуршащие упаковки – считала, что за ней не видно естественную красоту цветов.

– Какая красота, – восхитилась мама, – спасибо, Саша! Да я ж за ними потеряюсь!..

И она приняла в руки пышный букет, который действительно скрывал и мамины ключицы, и шею, и нос – лишь голубые глаза до сих пор по-доброму смотрели на нас.

Мама опустила букет, поцеловала папу в щеку, а потом произнесла:

– Итак, сначала мы отвезем Лену к Вадиму...

– К какому Вадиму? – нахмурился папа. Я потупила взгляд и покраснела.

– К ее другу, – ответила мама смело. – Из-за которого Лена даже достала велосипед с балкона! А это, Саша, что-то да значит. А уже вечером мы соберемся все вместе, я как раз успею что-нибудь приготовить. И тогда...

– Ты ведь хотела мне что-то сказать, мам, – напомнила я.

– Вот соберемся все вместе, и скажу, – подмигнула мне мама, прижимая к груди букет цветов.

– Ты думаешь, я доживу до вечера, мучаясь от неведения? – рассмеялась я.

– Ладно, – смиростивилась мама. – Уговорила. Я расскажу тебе обо всем сейчас. Итак, Лена. – Она взяла меня за руки. – Я хотела сообщить тебе, что жду ребенка. Мы с папой хотели сообщить. И что скоро у тебя будет брат или сестра, доченька.

Она внимательно смотрела в мои глаза, ожидая какой-нибудь реакции.

– Пищащее глазастое чудо? – пробормотала я.

Папа взглянул на меня и пригрозил пальцем.

Я выдохнула и попыталась улыбнуться в ответ маме – сначала несмело, но потом – более уверенно.

У нас появится кто-то ещё. С ума сойти! Я уже привыкла, что мы всегда втроем, вместе, а тут... новый член семьи, совершенно непонятное существо.

Пару секунд я молчала.

– Поздравляю, мам, пап, – все же сказала я. – Просто все это так неожиданно...

– Знаю, милая, – пробормотала мама, обнимая меня свободной от цветов рукой. – Знаю...

Просигналил мобильник, оповещая о новом сообщении.

«Почему? Ты сможешь прийти позже?»

«Да. Вадим. Кажется, мне многое надо тебе рассказать».

Глава 3. На память

Папа остановился прямо напротив дома Вадима.

Перед этим, правда, мне пришлось десять минут объяснять, где он находится. Но в итоге папа понял мою кривую-косую речь и высадил меня там, где нужно.

Быстро попрощавшись с родителями, я выскочила из машины и наконец-то дала волю чувствам.

Ждала маму. А дождалась?

Около минуты я стояла у подъезда Вадима, приходя в себя. Как-то это будет совсем некрасиво, с порога же сообщать всем своим видом о произошедших в семье проблемах. Или нет: не проблемах, но крупных преобразованиях. У человека – праздник. А тут я.

У нас дома сегодня тоже будет праздник, но...

Мне просто надо было привыкнуть. Смириться?.. Мне уже тринадцать, и смириться будет сложно. Может, лет десять назад я и мечтала о брате или сестре. Но какой тут уже брат или сестра? Мне самой через пять лет должно исполниться восемнадцать, а тут...

Мелкое и пищущее.

Надеюсь, все-таки чудо.

Вот у Катки, например, была старшая сестра. И Катя вечно на нее жаловалась, потому что от сестры ей прилетало. А у другой моей одноклассницы, Маши, росло два младших брата. И она как-то обмолвилась, что в школу приходит, чтобы от них отдыхать.

Но это – они, а это – я.

К тому же, мама так счастлива. И папа. Интересно, когда он обо всем узнал? На пару минут раньше меня – или на пару дней? А, может, недели на три, перед тем, как мама отправилась в санаторий? Может, и в санаторий мама отправилась именно поэтому?..

Я сделала глубокий вдох и шагнула в подъезд, скрывшись в его приятном полумраке от полуденного солнца.

Чуть больше половины первого. Гости наверняка уже приступили к торту.

Да и у нас, сегодня, может, тоже будет торт.

Я еле не промахнулась с дверью в квартиру. Прошла пару ступеней лишнего лестничного пролета. Ещё раз напомнила себе о том, что сейчас у меня кое-какие другие цели. Вернулась – и позвонила, нажав на лакированную черную кнопку.

По ту сторону прозвучала птичья трель. Кажется, все же ласточки.

А у нас дома звонком служило кваканье лягушки. Семь лет назад мне это казалось очень забавным. Интересно, а новому члену нашей семьи понравится невидимая квакунья, что напоминает о себе каждый раз, когда кто-то приходит к нам в гости?

Распахнулась дверь. По ту сторону стоял Вадим: такой серьезный, будто бы действительно повзрослевший на год. Наконец-то ставший моим ровесником, точно. На нем была белая рубашка поло и темные джинсы. А ещё Вадим наконец-то причесал волосы: они волнами свисали около его лица, наполовину прикрывая уши.

– Привет, – произнес он. – Заходи.

Я несмело заглянула внутрь и перешагнула порог.

Меня встретила звенящая тишина. Никаких разговоров, никакого смеха. Никакой жизни. Я досадливо поморщилась и спросила:

– Я совсем поздно, да? Прости...

– О, нет, – отмахнулся Вадим. – Ты как раз вовремя.

– Почему тогда все молчат?

– Почему же молчат? – он хмыкнул. – Я говорю и ты. И этого достаточно.

– Лена, здравствуй, – из коридора выглянула Анна Алексеевна. После той нашей злополучной прогулки, когда у Вадима чуть не угнали велосипед, а потом он поранился, больше у него в гостях я не была и его маму не видела. Но она оставалась все той же: собранной и элегантной. Только на этот раз на Анне Алексеевне было бордовое платье, а светлые волосы она собрала в пучок на голове. – Разувайся и проходи в кухню. Мы тебя ждем.

– Здравствуйте, – отозвалась я. – А...

Но мама Вадима уже исчезла, и тогда мне пришлось мучить самого Вадима:

– Все гости сидят на кухне?

– Платье у тебя красивое, – ответил он невпопад.

– Возможно, но... Все-таки это не ответ на мой вопрос.

Наши взгляды пересеклись, и уже через пару секунд я, смутившись, опустила глаза.

Сняла рюкзак, скинула балетки. Вадим все это время стоял рядом и наблюдал за мной, что, признаюсь, изрядно меня нервировало. Я всегда чувствую себя неуютно под чужими взглядами. А под взглядом того, кто был мне равнодушен, волновалась в два раза больше.

Если бы кто-то спросил у меня, как я отношусь к Вадиму, я бы, ни секунды не колеблясь, ответила, что отношусь к нему равнодушно. По крайней мере.

Когда я подхватила рюкзак и вновь взглянула на Вадима, он все-таки произнес:

– Больше нет гостей.

– Правда? – удивилась я.

Вадим довольно кивнул:

– Ты же знаешь, что я тут недолго. И ещё не успел ни с кем путем познакомиться, кроме тебя. Поэтому и приглашать мне больше некого.

– Прости, – я покраснела. – Я привыкла, что дни рождения всегда отмечаются в крупных компаниях...

– И я привык, – Вадим кивнул.

– ...Но откуда взяться крупной компании, если ты у нас новенький? – я тоже растянула губы в улыбке. – Но ничего. Следующий твой день рождения мы отметим с размахом!

– До него ещё целый год, – Вадим рассмеялся, потом взглянул на рюкзак, который я держала в руках. – Можешь его оставить в моей комнате.

– Ага, а в прошлый раз я так до нее и не добралась.

– Вот и доберешься. Mam! Мы скоро будем.

И, вместо того чтобы пройти дальше по коридорчику, Вадим подошел к двери, расположенной прямо напротив входной, и наклонил вниз серебряную ручку. Дверь распахнулась, и мы вошли внутрь.

А вот здесь жизнь действительно чувствовалась. Это была комната нормального подростка, уже тринадцатилетнего, заваленная различными вещами первой необходимости: листами бумаги, фломастерами, свернутой в тубус картой, насосом для шин, канцелярскими принадлежностями. А ещё здесь были обои с изображением космоса: яркими планетами, звездами и туманностями на темно-синем фоне.

– Обои красивые, – заметила я.

– Сам выбирал. Первыми клеили, как только въехали.

– Но то, что я хочу тебе подарить, будет не слишком с ними сочетаться, – начала я, искоса посмотрев на него, чтобы уже через секунду вновь обратить внимание на карту. – Зато это неплохо будет сочетаться с ней. С картой.

– Лена, – Вадим наклонил голову. – Можно было обойтись и без подарков.

– Да ладно тебе, – улыбнулась я. Положила рюкзак на компьютерный стул, стоящий около стола, за которым пока самого компьютера не было, и вытащила из него подарок, упакованный в яркую бумагу. Молча протянула его Вадиму.

Он подарок принял, а потом спросил:

- И что это?
- Распакуй и узнаешь.
- Прямо сейчас?

Я пожалала плечами. Честно не знала, хочу ли я, чтобы Вадим увидел содержимое подарка при мне. Конечно, мне было бы интересно взглянуть на его эмоции. Но если подарок Вадиму не понравится? Что тогда? Если в его глазах промелькнет разочарование, оно отразится в моей душе.

Зашуршала бумага, и уже секунд через десять я поняла, что мои худшие ожидания не сбылись.

- Ого! – воскликнул Вадим. – Это компас?
- Это он, – я кивнула.

Вадиму я действительно решила подарить компас в коричневой оправе под дерево, с изящными стрелками и цепью. Когда я увидела его в сувенирном магазине пару дней назад, поняла, что он очень подходит Вадиму. Было в моем приятеле что-то такое... Какая-то поселившаяся внутри чертовщинка. Я не могла представить его будущим бизнесменом или врачом, например. Но я могла представить его лихим моряком, бороздящим моря. Или пиратом. Морским Робин Гудом.

– Лена...

Вадим поднял на меня глаза. Зелено-карие, хитрые глаза.

– Пусть он указывает тебе верный путь и все такое, – заметила я, смущаясь. – Или даже так: пусть твои пути, независимо от того, что ты выберешь, будут верными. А это... просто. На память.

- Даже не знаю, что сказать... – протянул он.
- Все так плохо?
- Наоборот, – Вадим коснулся моей руки, свободной продолжая держать компас. – Слушай, Лена. Когда-нибудь мы вырастем, ведь так?
- Ну, теоретически...
- Вырастем. И тогда... Приглашаю тебя в совместное путешествие.
- Уже? – я рассмеялась. – Какое уж нам путешествие, если мы нормально за лейкой не можем съездить?..

– Ах, насчет этого, – Вадим хитро прищурился. – Если честно, я, когда ты тогда ушла, сразу все понял. Не нужна тебе была никакая лейка, Ленка. И ты все организовала, лишь чтобы провести время со мной.

– Да ладно? – сделала вид, что удивилась, я.

– Да. – Вадим бережно положил компас на стол, а потом шагнул ко мне, стал вдруг совсем-совсем близким и легко обнял меня. Я оторопела, но уже через мгновение он отодвинулся и, глядя в сторону, произнес: – Спасибо тебе, Лен.

– За что? – уточнила я, красная, как рак. Хорошо, что он на меня не смотрел. – За компас? Или ту лейку? Дурацкую...

– За то, что ты есть. И что ты рядом, – произнес Вадим совсем не то, что я надеялась услышать. И сам, кажется, смутился своих слов. Качнул головой, растрепав прическу, и первым вышел из комнаты. Мне ничего не оставалось, кроме как, бросив последний взгляд на окружающую обстановку, пойти следом.

На кухне мы сначала ели бутерброды с помидорами, листьями салата и сыром, а после пили чай с нежным, тающим во рту тортом. Что-то рассказывали Вадим и Анна Алексеевна, редко встревала я, не произнося, впрочем, больше пяти слов. Но потом зазвонил телефон, Анна Алексеевна, нахмурившись, покинула кухню, и мы вновь остались вдвоем.

Я, может быть, и хотела бы продолжить тот наш разговор, начавшийся в комнате Вадима, но решила не вспоминать о нем – Вадим тоже перестал выглядеть радостным.

Спросила вместо этого:

– Что случилось?

– Отец звонит, – Вадим вздохнул. – Наверняка он.

Он сделал глоток чая, а потом попытался произнести беспечно:

– А что случилось у тебя? Такие сообщения шлешь странные.

– А, – отмахнулась я. – Мама вернулась. Я думала, что мы ещё немного с ней побудем, но мама сказала, что вместе мы посидим вечером. И сообщила кое-какую новость.

– Какую? – Вадим заглянул мне в глаза.

Я покраснела.

– Не знаю, говорить ли...

– Не доверяешь?

– Что ты! – воскликнула я, пожалуй, даже слишком энергично. – Просто не хочу заботить тебя своими проблемами. Вернее, там не то чтобы проблемы, но...

И я замолчала, не зная, как все объяснить.

– Выдумала тоже. Я, может, сам хочу узнать об этих твоих проблемах, – заметил Вадим. – Или не совсем проблемах.

– Но ведь у тебя день рождения. Ты должен веселиться, а не выслушивать мои какие-то заморочки. Позже, давай?

Вадим нехотя кивнул.

Когда кусочек торта на моем блюде почти закончился, вернулась Анна Алексеевна. Она молча села на свое место и сделала глоток остывшего чая.

– Что там, мам? – не выдержал Вадим.

Анна Алексеевна взглянула на него и грустно улыбнулась:

– Все в порядке.

– Как обычно? – спросил он. Кажется, понимал куда больше, чем должен был понимать. Больше, чем хотела бы его мама.

– Как обычно, – согласилась она.

Времени было около половины второго. Я пробыла у Вадима час, даже чуть меньше. Для дня рождения это, может быть, и мало. Но для дня рождения мальчишки, с которым ты знакома всего неделю, вполне неплохо. Тем более, если ты единственный гость.

Однако бросать Вадима в тяжелый для него момент мне не хотелось.

Я считала, что это будет некрасиво.

И все решили за меня.

Когда чай в моей кружке закончился, Анна Алексеевна спросила:

– Пойдешь домой, Лена?

– Да, – я кивнула. – Наверное.

Взглянула на Вадима, но он никак не отреагировал – лишь посмотрел на меня в ответ. Тогда я решила все сама. Поднялась, убрала оставшуюся после себя грязную посуду в раковину.

– До свидания, Анна Алексеевна, – произнесла я, не зная, что нужно говорить в такой момент.

– До свидания, Лена, – отозвалась она. – Заходи к нам ещё. В нашем доме ты всегда будешь долгожданной гостей. Правда, Вадим?

Он вдруг подскочил с места и подошел ко мне.

Я несмело кивнула и пошла в прихожую. Теперь следом за мной шел Вадим. А потом исчез за дверью своей комнаты.

Ну и ладно, решила я.

Может быть, он шел и не за мной вовсе. А туда, куда тянула Вадима душа. И тогда я решила, что душа тянула Вадима не ко мне.

Но уже через несколько секунд он вернулся в прихожую, держа в руках мой рюкзак.

– Ой! – я всплеснула руками. Истина оказалась куда более простой, чем я успела себе придумать. – Я совсем про него забыла.

– Бывает... – отозвался Вадим безрадостно.

– Почему ты такой грустный? – не выдержала я. – Что случилось?

– Вот видишь, – произнес он вместо ответа. – Ты не хотела портить мой день рождения, но его все равно испортили. Отец. Когда-нибудь ты расскажешь мне о своих проблемах, и я тебе о своих. – Он взглянул на меня. – Хорошо?

Я уже вдохнула воздух, чтобы признаться в том, что меня мучает, но потом произнесла только:

– Хорошо.

Если бы я рассказала о своей проблеме, Вадиму пришлось бы поведать о своей – мы ведь договорились. А я не хочу, чтобы сейчас он погружался в раздумья о том, что его огорчает. Это испортит праздник ещё больше.

– Пока, – произнесла я.

– Пока, – отозвался Вадим. – Когда встретимся... теперь?

– Когда хочешь...

– Завтра навряд ли получится. Нам с мамой надо будет съездить кое-куда. После?

– Давай.

Мы договорились о времени и месте встречи, а потом я ушла. Все-таки или наконец-то. Ясно, что у Вадима с отцом какая-то не очень приятная история. И сейчас им с матерью действительно нужно побыть наедине, чтобы все решить.

А у меня есть любящий папа. И красивая добрая мама. Они меня любят. А я люблю их. И я ещё смею возмущаться.

Наверное, поэтому и возмущаюсь, что боюсь, ведь половиной их внимания завладеет кто-то другой.

Но ведь этот кто-то будет им таким же их ребенком, как и я.

Интересно, если ли братья или сестры у Вадима? В этой квартире, как я поняла, кроме их с мамой никто не живет. А там, за ее пределами? Ведь они переехали совсем недавно, может быть, ещё ждут, когда кто-то поселится с ними?

Или оставили этого кого-то в том, многомиллионном, городе?

Солнце слепило глаза, не позволяя думать о каких-либо глупостях.

Домой я шла пешком, чувствуя, как играет с легкой верхней тканью платья ветер. И почему-то улыбалась.

Верила.

Тогда ещё.

***

– Все в порядке? – спросила тихо мама, открыв дверь. Я кивнула и шагнула внутрь.

По коридору прошел папа. Заметил меня, остановился и произнес:

– Празднующим привет! А мы, Ленка, думали, что ты только к вечеру придешь.

– Ну вот, пришла раньше. Теперь тебе придется меня видеть, – фыркнула. Папа схватился за сердце, сделав вид, будто ему плохо, а потом подмигнул мне и скрылся в кухне.

Настроение у него, определенно, было приподнятым.

Мама обняла меня и уже как будто на автомате провела ладонью по животу, скрытому за свободной футболкой. Совсем неразличимому ещё животу. И как там может прятаться ребенок, будущий член нашей семьи, полноправный гражданин, новый житель этого сумасшедшего мира?

Мама словила мой взгляд, и улыбка несколько угасла.

Она думала, что я ещё не приняла эту новость.

А я не могла обрадовать маму даже тем, что смирилась с ней.

Я думала, что послезавтра расскажу обо всем Вадиму, и он поймет меня и поможет во всем разобраться. Но почему-то я упустила из виду, что до этого надо ещё дожить.

В кухне зашумела вода, зашуршали пакеты, и уже не настолько уверенный папин голос поинтересовался:

– Насть, а яблоки какие мыть, красные или зеленые?

– Все, – ответила мама. А потом уже мне: – Ужин ещё не готов. Мы успели только съездить в магазин. Совсем недавно приехали.

– Ничего, – отозвалась я. – Я не голодна, мы ели у Вадима...

– Расскажешь, как все произошло? – в маминых глазах зажглись веселые искры. Я не могла хмуриться, когда она на меня так смотрела. И кивнула.

Мы сели в зале, и я описала маме, как пришла к Вадиму, как мы ели бутерброды и пили чай с тортом. Рассказала, что подарила ему компас, но о словах, которые прозвучали после, говорить не стала. И промолчала о звонке его отца.

Только хорошее.

Я уже тогда решила: лучше сохранять все плохое в себе, чтобы оно случайно не очернило лица окружающих тебя людей.

– Как здорово! – воскликнула мама. – Говоришь, они переехали совсем недавно? А какая у Вадима фамилия?

Я взглянула на маму удивленно, ответила растерянно:

– Честно говоря, даже не знаю. Я у него не спросила. Да и ему наша неизвестна. Зато мы обменялись телефонами...

– Если что, пусть приходит к нам. Мне, как бывшей велосипедистке, будет интересно с ним познакомиться. Вдруг узнаю какие-нибудь профессиональные секреты!..

– Мам, – покачала головой я. – Какие тебе сейчас велосипеды?

На секунду ее лицо стало задумчивым, а потом мама хлопнула себя по ногам, скрытым за джинсовыми шортами:

– Точно! Сейчас мне совсем не до велосипедов. Потому что надо готовить ужин.

– Мам, – протянула я, – но ведь ты поняла, о чем я говорю.

– Поняла, – мама вздохнула. – Лена... Ты так и не сказала мне ничего. Это сильно тебя обижает? – и она взглянула мне в глаза.

– Обижает? – переспросила я, впрочем, не так ровно, как хотелось бы. – С чего это должно меня обижать?

– Это должно было случиться раньше, – призналась мама, взглянув на стену напротив дивана, на котором мы устроились. Там стоял маленький телевизор и большой шкаф с книгами, скрытыми за прозрачным стеклом. Это папа виноват. Говорит, что надо читать книги, чтобы развивать мозги. И как можно реже прикасаться к телевизору.

Я книги, может, и любила, но и от фильмов не отказывалась. Да и мама была со мной согласна. Поэтому телевизор папа все-таки оставил. Но, назло нам, – или, как он говорил сам, во имя нашего интеллекта, – современный покупать отказывался.

Так вот, мама несколько секунд молчала, вглядываясь в шкаф, будто хотела найти среди книг какую-то одну, особенную, а потом продолжила:

– Но не случилось, Лена. А сейчас... Может, уже действительно слишком поздно. Поздно, чтобы ты приняла все это. Что же, тогда...

– Нет, мама, – прервала ее я. – Нет. Все в порядке. Может быть, изначально задумывалось, что все так произойдет. Может быть...

– Спасибо, – мама сжала меня в объятиях. От ее волос шел тонкий аромат каких-то нежных цветов, и если на улице я не смогла его различить, то сейчас почувствовала. – Спасибо, что ты нас понимаешь. Обещаю, что это никак тебя не обидит.

– Знаю... – пробормотала я.

– А теперь... – мама отодвинулась назад. – Пойдем готовить! Ужин сам собой не появится, верно?

– Пожалуй...

И мы пошли. Мама – на кухню, а я – снимать платье. Замарать его было жалко. Хотя бы потому, что оно понравилось Вадиму. Или ему понравилась я – в нем...

Что-то же его зацепило.

Или кто-то.

***

Это странно – скучать по тому, с кем не виделся всего двое суток.

Но через одно утро после дня рождения Вадима я поняла, что действительно уже хочу встретиться с ним как можно скорее. Вчера он не написал мне ни одного сообщения, а я не написала ему. Мы не обменивались новостями уже почти двое суток.

И вот, проснувшись, я поняла, что общения с ним мне не хватает.

А встреча у нас была назначена только на вечер.

Все утро я бестолково ходила по дому. Взялась за книгу – не пошло, поставила обратно, спрятала за стеклом папиного книжного шкафа. Хотела помочь маме с обедом – уронила на пол пакет с молоком, поэтому полы пришлось мыть. Самой. Ведь не могла же я теперь позволить маме мыть полы?.. Даже телевизор не спас. По тем трем каналам, что он показывал, шла какая-то ерунда.

Измерив коридор собственными шагами раз пятьдесят, я в итоге сдалась, упала на кровать и стала разглядывать потолок.

Со мной творилось что-то странное и неправильное.

В комнату заглянула мама, приготовившая обед самостоятельно. Она посмотрела на меня, вздохнула и спросила:

– Что случилось?

– Жду, – ответила я просто.

– Чего ждешь?

– Семнадцати тридцати. Чтобы достать велосипед с балкона, сесть и уехать. Успеть к шести в парк. И все.

– А-а, – поняла все мама. – С Вадимом договорились встретиться?

– Договорились, – я повернулась на бок, чтобы лучше видеть маму. – Но как-то поздно. И вообще, – взглянула на часы, – сейчас часа даже нет. Ещё долго ждать. И мне как-то страшно, что ли, – призналась вдруг.

– Почему? – мама подошла ко мне, села на край кровати, легко коснулась моего предплечья. – Переживаешь за отношения с Вадимом?

– Нет. Или да, – я фыркнула, – но сейчас не так сильно. У него там в семье что-то... с папой. Он мне не рассказывал. Так, обрывочно только. И вот... Все у них в порядке будет, надеюсь.

– Конечно, – мама улыбнулась, – конечно, в порядке. Если бы что-то случилось, Вадим бы обязательно рассказал тебе. Но все просто замечательно. Веришь мне?

Я кивнула – верила. И уже через секунду поднялась на локти, взглянула на маму, произнесла с придыханием:

– Мам, кажется, я...

И замолчала, так и не в силах в чем-либо признаться. Ни в тот день, ни в много-много дней после него.

***

На этот раз Вадим меня обогнал. Не в смысле, что на велосипеде, а по скорости появления на назначенном месте. Ну и на велосипеде тоже... Когда я подъехала к парку – между про-

чим, на двадцать одну минуту раньше положенного времени! – он уже был там. Стоял между тропинками рядом со своим велосипедом, как бравый рыцарь рядом с боевым конем, и смотрел в кусты, выслеживая добычу.

Но там даже птички молчали.

Зато я не смогла молчать. Завидев Вадима издалека, на полных скоростях подъехала к нему. Спрыгнула с велосипеда, зацепившись ногой за раму велосипеда – едва не упала! Сделала глубоких выдох и, наконец, спросила:

– Ты чего так рано?

– А ты чего?

Даже футболка на нем сегодня была серой, как рыцарские доспехи. А в остальном он никак не поменялся: все те же растрепанные волнистые волосы, манящие глаза и радостная улыбка.

Свою я еле сдерживала. В итоге не сдержала. Опустила голову, вдохнула – дыханием приходилось управлять самостоятельно, оно в волнительный момент дало сбой – и призналась:

– Вадим! У меня будет брат или сестра. Вот, что я не сказала тебе тогда. Но я уже смирилась с этим известием и даже немного ему рада. – Взглянула на Вадима, ожидая его реакции. Должна была сказать. Пообещала самой себе, что скажу.

Улыбка Вадима чуть померкла, и тогда я продолжила:

– Но ты можешь мне ничего не говорить.

– Да нет уж, – фыркнул он. – Скажу. Обещал ведь. Меня хочет вернуть отец. В смысле забрать в свою семью – новую. Потому что после их развода я живу с мамой. Я уже тоже смирился, но не скажу, чтобы сильно обрадовался.

И он тоже взглянул на меня.

– У тебя, конечно, более неприятная, – призналась я.

– У тебя за то масштабнее, – заметил Вадим. – Не переживай за меня, в самом деле, Лен. Это у отца уже как навязчивая идея – пока не исполнишь, не успокоишься. А я с этим смирился. Но маму огорчает до сих пор... И все у отца уловки какие-то...

– И что же, он может тебя забрать по правде?

– Законом запрещено. Но вот его разве волновали законы когда-то...

Вадим замолчал.

Я опустила голову, дотянулась до звонка, провела по нему пальцем, случайно зацепила язычок. Звончок задребезжал на всю округу! Сизый голубь, купающийся в луже метра за два, подпрыгнул, растрепав крылья, и покосился на меня, как на лишенную ума. Его напарник, благородно-белый, и вовсе улетел прочь. Наверное, искать себе другое местообитание.

Я покраснела. Вадим засмеялся. Заметил:

– На самом деле, у меня тоже есть вроде сестры. Младшей. И ничего страшного в этом нет.

– Да? – удивилась я.

– Да, – ответил Вадим. – И добавил грустно: – Сводная. На самом деле, она дочка маминной давней подруги, мы с ней все детство вместе провели. Ну, у нас разница в полгода. Она совсем на тебя непохожая, если честно.

– Как же она оказалась тебе сестрой?

Сразу же вспомнила про то, что Вадим упоминал развод, и про новую семью его отца... Захотелось прикусить себе язык, но разве теперь это что-либо исправит?

– Он к ней ушел. С тех пор у мамы как-то особо и нет подруг... – заметил Вадим. – Ну, давай об этом не будем. Я не затем о тебе двое суток вспоминал, чтобы теперь о своих проблемах жаловаться.

– Ты обо мне вспоминал?..

Стало неловко. Ещё чуть-чуть, и точно уронила бы велосипед. Вадим запрыгивал – а я хотела уронить.

– А какая у тебя фамилия? – вдруг поинтересовалась я, вспомнив вопрос мамы. Настоящий мастер переводить разговор на какую-нибудь нейтральную тему!

– Я всем говорю, что мамина. Ермаков. Но по свидетельству – отца... А что?

– Ради интереса, – отмахнулась я. Аккуратно залезла на велосипед, вспомнив о прошлой своей неосторожности. – Поехали?

– Давай. Ты ведешь! – он подмигнул мне. Знал, как я не люблю ехать первой.

И мы помчались, стараясь оставить позади все свои проблемы, на ходу согнав с лужи и того, сизого, голубя, который, впрочем, тут же на нее вернулся.

***

Если бы этот день начинался также, как одиннадцать дней до него, то я была бы очень счастлива. Ведь все эти одиннадцать дней я просыпалась с довольной улыбкой. Меня даже как-то мама за это пожурила: сказала, что нельзя быть такой радостной! Потому что другим может быть обидно.

Каждодневно мы встречались с Вадимом, совершали совместные велопрогулки... Ноги болели – жуть. Но я не жаловалась. Сама ведь на это согласилась.

Сегодня повода для радости не было. Наверное, потому что не была назначена прогулка. Какая уж тут прогулка, если сегодня я, только две недели назад встретившая маму, провожала в дорогу отца?

Дней двадцать назад, тем утром, когда я собиралась выискивать дом Вадима – и нашла! – ему позвонил бывший однокурсник. Мама давно шутила, что они там, на своем филологическом, все немного ненормальные... А папин однокурсник отличился вдвойне – спустя два года обучения на филолога перешел на исторический факультет, который после успешно закончил.

Но связь с папой они сохранили и, насколько я помню, раз пять вместе ездили в археологические экспедиции. Последняя из них случилась года четыре назад. Или даже шесть. Давно.

И вот, позвонив, он предложил папе съездить ещё в одну. Вместе. Как в былые времена.

Защищая папу, скажу, что все это время он не называл однозначного ответа. Да и экспедиция назначалась на осень... Но вчера во время обеда этот однокурсник вновь позвонил папе и сообщил, что на том месте, куда они собрались – какая-то гора, название которой стерлось из моей памяти – сутки назад произошли аномальные изменения. Поэтому экспедиция должна отправиться туда как можно скорее. Пока не поздно. И у них как раз есть одно свободное место.

Почти сразу папа обратился с этим к маме.

Мама сказала, что он не должен разрушать свои планы из-за нее. Папа ответил, что планы он разрушает не только из-за нее, хотя сделал бы это с превеликим удовольствием, а из-за всей нашей семьи, которая скоро станет ещё больше.

Долгий это был спор. Сама я в нем не участвовала – слушала, стоя в коридоре.

И закончилось все тем, что папа уезжал.

На месяц. Максимум. Так сказал папин однокурсник. Весь вечер мы паковали папе чемоданы. Утром прощались с ним. Папа вновь попробовал что-то сказать, но мама напомнила, что и ему тоже нужен отдых. От нас.

На этом и решили.

Месяц.

Папа должен был вернуться через месяц.

А это на неделю больше, чем тот срок, на который мы расставались с мамой.

Такси, которое хотело отвезти папу на вокзал, подошло к пяти вечера. А уже в шесть папа пересел на автобус до ближайшего города-миллионника. Того самого, где жил когда-то Вадим.

До вокзала мы с папой решили не ехать. Во-первых, тогда на время расстаться с папой было бы во много раз сложнее. А, во-вторых, за обратную дорогу тоже придется платить...

Но мы спустились с ним на первый этаж и вышли из подъезда, где светило приятное солнце и дул ласковый ветер.

Хороший это был день, несмотря на то, что я все время просидела дома. Приятный. Один из тех нежных, умиротворенных дней, когда не хочется делать ничего прогрессивного. Хочется мечтать. Хочется любить.

Я мечтала. Что вернется папа. Что мы ещё долго-долго будем общаться с Вадимом. И что я познакомлю его со своим младшим братом или сестричкой.

А мама любила. Меня, папу, их будущего ребенка.

Когда подъехала машина – как сейчас помню, это был черная «Лада», папа посмотрел на нас грустными глазами и произнес:

– До свидания, девчонки мои! Читайте больше книг и не скучайте. Настенька... – он взглянул на маму.

– Поезжай уже, мальчишка, – мама улыбнулась. Папа улыбнулся ей в ответ, и выглядели они такими молодыми, такими счастливыми, такими влюбленными! А вокруг – солнце, и зеленая листва шумит, и над головой мамы – светлый нимб, и папины глаза – теплые-теплые...

Мама коснулась папиной щеки губами и произнесла:

– Это тебе на память.

Я взглянула на них, и сердце кольнуло что-то неизмеримо грустное и печальное.

Папа дотронулся ладонью до маминых волос, но уже через две секунды взглянул на меня:

– Слушайся маму, Ленка.

Я кивнула.

Просигналило такси, оповещая, что уже заждалось, и папа отвернулся, чтобы уйти, как я не вытерпела и воскликнула:

– Папа?

– Дочка? – он повернулся ко мне.

– Я тебя люблю, – сказала тихо. – И маму. И будущего брата или сестру. Я вас всех люблю.

– И мы тебя, Лен, – сказал папа.

– И мы тебя, – подтвердила мама, обнимая меня за плечи.

Машина, перебивающая своей чернотой яркие краски нашего сумасшедшего мира, унеслась прочь, отразив на прощание солнечный блик.

Папа уехал.

Мы с мамой остались вдвоем. И, лишь только вернувшись в квартиру, уже стали ждать папиного возвращения.

Глава 4. Моменты счастья

Мы с Вадимом остановились напротив одного из самых старых кафе в нашем городе. Его и кафе нельзя было назвать толком, так, небольшая столовая: там продавали пирожки и пирожные, а ещё заваривали чай или кофе.

Вадим сказал, что нам нужно немного отдохнуть и отдышаться.

А сам остановился возле кафе, где сновало так много людей.

Я бросила на него вопросительный взгляд и предложила:

– Может быть, немного отъедем в сторону, чтобы никому не мешать?

Вадим посмотрел на меня так, будто видел впервые, и ответил:

– Думаю, лучше остаться тут.

– Как знаешь... – я вздохнула и положила голову на руль. – Разбуди меня, когда можно будет ехать... – и прикрыла глаза.

– Лен? – позвал Вадим, когда еще даже секунды не прошло.

– М? – отозвалась, не открывая глаз.

– На самом деле, я думал, что мы с тобой посидим в этом кафе. Прилично вроде бы выглядит, хотя я тут ещё не был.

Я подняла голову и удивленно на него взглянула:

– Кафе? А если велосипеды угонят? И у меня нет денег...

– А у меня есть, – отозвался Вадим гордо. – И деньги, и противоугонное средство. –

Он спрыгнул с велосипеда, стянул со спины рюкзак и вытащил из него черный шнур, концы которого между собой скреплялись замочком. И открыть этот замочек мог только специальный код из четырех цифр. – Недавно купил в том магазине, где мы с тобой искали лейку, – пояснил Вадим.

– Ого, – произнесла потрясенно. – Да ты все просчитал.

Вадим покраснел, и тогда я воскликнула:

– Ага! Ты все это правда подставил?

– Подставил, – он покачал головой. – Скажешь тоже. Не подставил, а предположил, что все может сложиться именно так, и поэтому взял с собой...

Я спрыгнула с велосипеда, взялась за руль, чтобы откатить его в сторону, и заметила:

– Какими умными фразами ты говоришь!.. Как будто они взяты из книжек моего папы...

Я нахмурилась. Вадим не оставил этого незамеченным, спросил:

– Сколько осталось дней? Ну, как он вернется?

С бывшим однокурсником папа встретился успешно. Два дня они собирали какие-то там данные перед тем, как вылететь из города. Лететь пришлось долго – чуть больше трех часов. Но полет прошел успешно, и вчера вечером – или даже сегодня ночью, если быть точнее – папа приземлился в городке рядом с этой своей горой.

Мы отъехали к периллам лестницы и поставили велосипеды совсем рядом друг с другом. Вадим присел, чтобы сцепить рамы между собой, а я ответила:

– Если после отъезда прошло три дня, то осталось ещё двадцать семь или двадцать восемь. Четыре недели. Но ведь это все так не точно!.. Мы же не знаем, на какую дату обратный билет. Папа может приехать на неделю раньше. Или на неделю позже. Или на две позже... – продолжила я. – Или на...

Щелкнул замок, и Вадим распрямился, серьезно взглянул на меня:

– Твой папа вернется в срок.

– Хотелось бы верить...

– Тогда что тебе мешает? – спросил Вадим с улыбкой. – И пошли в кафе, пока там ещё не закончились пирожные.

- Ой, не знала, не знала, что ты так любишь пирожные.
- Да вот, тщательно скрываю это ото всех.

Мы вошли внутрь и, оглядев помещение, заняли свободный столик около окна, в самом центре. Столик был уютный – белый возле мятно-зеленой стены, разделяющей окна. И с этого места представлялся хороший обзор на наши велосипеды...

Вадим оставил на одном из стульев свой рюкзак, и мы направились к витрине, чтобы выбрать себе что-нибудь съестное. И экономичное. По крайней мере, я до отвала питаться за счет Вадима не собиралась.

Слева – пирожки и салаты в железных тарах, справа – пирожные и пара тортов. Посередине касса. Как в загадке про ножницы.

Вадим сразу же пошел разглядывать правую витрину. Я осталась в стороне. Но уже секунд через семь Вадим вернулся и поинтересовался будничным тоном:

- Что будем брать?
- А что хочешь? – я тоже подошла к витрине. Она пестрела множеством разноцветной стряпни, и, честно говоря, даже немного рябила в глазах.
- Может, ты что-то посоветуешь...
- Я люблю «картошку», – сказала честно. Но ценник на ней значился слишком для меня великий, поэтому я тут же добавила: – Но буду «корзинку».
- Договорились, – Вадим кивнул. – Чай, кофе? Что тут ещё готовят?
- А ты что возьмешь?
- Кофе я не люблю, – признался Вадим. – Особенно крепкий. Поэтому тут без вариантов.

И ты?

– Ну-у-у... – протянула я. Кофе не любит! Это показалось мне настоящим кошмаром. Я утра своего без кофе не мыслила. А иногда и вечера. Папа, конечно, всегда говорил, что это вредно – не так, как телевизор, но все-таки. Но мы с мамой настояли на сохранении этого напитка у нас в доме, поэтому папе вновь пришлось смириться. – И я чай. Без сахара.

- Ого, рисковая, – только и сказал Вадим. – Чай без сахара пьешь... Я так не умею.

Пока Вадим стоял в очереди и оплачивал заказ, я сидела за нашим столиком и смотрела через окно. На велосипеды, сцепленные одним шнуром.

А тут, по ту сторону окна, должны были сидеть за одним столом мы.

Это очень напоминало нечто, о чем пишут в девичьих книжках с розовыми обложками. И это заставляло мое сердце трепетать. Но я сама не знала, почему.

Или знала, но не хотела в этом признаваться. Тем более, Вадиму.

Страх стать отвергнутым рушит многие судьбы – все то, что ещё не успело окрепнуть. Но тогда я этого ещё не понимала.

Почувствовав взгляд, я повернулась в сторону кассы. От нее как раз отходил Вадим, пытающийся за раз унести две пластиковых кружки чая и салфетки с пирожными и одноразовыми ложечками. Я подскочила и поспешила ему навстречу. Молча взяла пирожные – корзинку и картошку, освободив Вадиму одну руку, и он без слов мне подмигнул.

Мы вернулись к столику – уже вдвоем – и подозрительно тихий Вадим протянул мне «картошку».

- Я заказывала «корзинку», – заметила я, косясь на пирожное возле него.
- Но ведь «картошку» любишь больше, – коварно заметил Вадим.

Я пару раз хлопнула глазами и спросила:

- Это что, опять подстава?
- Типа того, – согласился он.
- Вообще... Ну ты даешь... – протянула я. – И как верить людям после этого?..
- Если ты так хочешь «корзинку», я могу взять ее тебе после того, как ты съешь «картошку», – оставался непреклонным Вадим. – А пока не отвлекай меня от полдника, Лена.

– Полдник бывает только в детском саду...

Но за пирожное все-таки взялась. И за минуту его умяла, запивая сладость маленькими глотками горячего чая. Только потом посмотрела на Вадима: он, такой медленный, едва приоткрылся к своей корзинке и не сделал ни глотка. Смотрел на что-то за моей спиной.

– Совсем никак? – не вытерпела я. Обернулась, посмотрела назад – но там, кроме таких же посетителей кафе, как мы, никого и не было.

– А? – очнулся Вадим. – О чем ты?

Я молча кивнула на то, что с полдником справилась успешно.

– Да... – только и заметил Вадим.

– Ты говорил, что я тебя отвлекаю – тем не менее, я-то уже все съела, – я качнула головой и словила волосами один из солнечных лучей, пронзающих окна. Отодвинулась от солнца подальше – так можно и глаза задеть, а потом видеть на всем фиолетовые пятна.

– Ладно, ладно, – согласился он. – Был не прав. Можешь отвлекать.

Вадим отломил кусочек корзинки с белым воздушным кремом и стал его жевать.

– Даже не знаю, чем тебя отвлечь таким, – заметила я. – Если в прошлый раз я возмущалась, то теперь и возмутиться даже нечему.

– Можешь просто сидеть под солнцем и качать головой, – заметил Вадим. – У тебя волосы красиво сияют, золотым. Как рассвет.

– О да, – я покраснела. – Скажешь тоже. – И постаралась перевести тему: – А ты почему чай не пьешь?

– Сначала еда, а потом чай. Я вообще не представляю, как вам удастся это совмещать.

– Опыт приходит с годами, как говорится. А я тебя старше на целую треть года. Так что...

– Как ты, умудренная опытом, ещё не заскучала со мной общаться? – спросил Вадим. Потянулся к чаю, будто решил попробовать смешать его с пирожным, но потом поморщился и отставил стаканчик в сторону.

– Скажешь тоже! – воскликнула я, наверное, даже слишком резко. – Я ещё тебя даже наполовину не знаю, как тут заскучаешь?

Вадим улыбнулся.

Просто и так тепло.

Почти так, как улыбался папа, смотря на мою маму. Но то была улыбка взрослого мужчины, а это – тринадцатилетнего мальчишки.

Моего друга.

Ведь я имела право назвать его так?

Сердце затрепетало, как пойманная в клетку птица. И я улыбнулась в ответ, не зная, что говорить. Да и что тут скажешь, чтобы не разрушить такой хрупкий момент?

Слова пришли на ум Вадиму:

– У тебя будет время, чтобы узнать.

– Надеюсь, – вздохнула я.

– Да, – Вадим откинулся на спинку стула. – Нам с мамой тут нравится. И мы намерены прожить здесь очень долго. И ты, ведь так?

– Ну... конечно, – ответила неуверенно.

– Вот именно! – Вадим кивнул, а потом бросил быстрый взгляд на окно: – Слушай, а там никто, случаем, не пытается стащить наши два-в-одном велосипеда?..

Я в панике повернула голову: велосипеды оставались на месте. Недоуменно посмотрела на Вадима:

– Нет. А должны? Ты ведь и сам видишь...

Выражение лица Вадима было хитрым-хитрым. Я схватилась за волосы – может, прилепил на меня что-то? Или на кофту...

– Все в порядке, – успокоил меня Вадим.

– А что смотришь тогда?

– Сияют...

Я нахмурилась:

– Сейчас тебя стукну, честное слово! Ешь – и исчезаю, – я сложила руки на груди. – И если ты ещё раз попробуешь... – я замолчала, чувствуя, что краснею.

– Попробую что? – не оставил меня в покое Вадим.

– Ещё раз попробуешь меня смутить...

– Договорились! Буду, так сказать, восхищаться молча.

Я гневно посмотрела на Вадима – и встретила с ним взглядом. Ну как, как можно злиться? Кажется, Вадим меня раскусил, потому что тут же спросил:

– Что, уже можно восхищаться вслух? Или будешь обижаться?

– Ещё чего... Делать мне больше как будто нечего, только на дурачков обижаться.

Вадим открыл рот – кажется, хотел сказать что-то в ответ. Но промолчал. Отломил кусок пирожного. Вдруг обиделся? Я поспешила уточнить:

– Если что, это я не про тебя...

– Поэтому я и не воспринял эти слова на свой счет, – Вадим подмигнул. Намекает! Честное слово! Я отвернулась и услышала дружелюбный смех Вадима. А потом рассмеялась сама.

Злиться на него я и правда не могла. Как и Вадим на меня. А, как говорится, два дуручка...

Велосипеды стояли объединенными, пока мы за ними не вернулись. И никто даже не попытался присвоить себе Вадима... то есть, конечно, его велосипед.

Мы отъехали от кафе – тоже вместе. И я так радовалась этому моменту!.. Забыла про поездку отца и про обстоятельство пополнения семьи, что должно было изменить мою жизнь...

Я была счастлива.

И это главное.

***

Меня разбудил звонок на мобильник. Не столько стандартная мелодия моего «Нокиа», сколько чрезмерно активное жужжание. Мобильник лежал на комодике возле моей кровати. Я проснулась, села, потянулась к нему – и едва успела схватить.

Ещё бы пара «жу-жу», и полетел бы мобильник на пол.

Конечно, он совсем бы от этого не пострадал, но реакция была быстрее меня.

– А? – спросила я, поднося мобильник к уху. Окружающий мир оставался до сих пор расплывчатым, поэтому имя звонившего я не разглядела.

– Лена, я хотел сказать, чтобы сегодня ты не брала велосипед. – Несколько секунд я молчала, и моему собеседнику это не понравилось. Он вновь позвал меня: – Лена, ты меня слышишь? Ты там спишь еще, что ли? Уже, между прочим, девять утра.

– О... – только и сказала я.

– Лена?

– А при чем тут велосипеды?

Теперь молчали по ту сторону. Ну, как молчали... Молчал один человек, определенный, и звали его Вадимом. Это было единственным, что я успела понять за время разговора.

– Велосипеды – это такой транспорт, на них катаются... – начал пояснять Вадим. Решил, что после сна я совсем про все забыла.

– Знаю. И все же?

В комнату заглянула мама, спросила сонно:

– Лена, ты с кем-то разговариваешь?

– Да, – согласилась я. – Меня Вадим вызывает.

– Понятно, – мама кивнула. – Завтракать будешь?

И почти одновременно с ней ко мне прицепился Вадим:

– Лена, ты с кем разговариваешь?

– Подожди, – сказала я ему. – Я не могу разговаривать с двумя людьми одновременно. Да, буду, мам...

– Хорошо, – мама кивнула и скрылась в коридоре.

– Окей, – произнес Вадим. – Перезвони.

И отключился. Я тут же стала такой бодрой, будто только что сделала зарядку и постояла перед холодным душем. И чего отключился? Обиделся что ли? Только недавно решили друг на друга не обижаться...

Отыскав его в списке контактов, отправила вызов.

Вадим ответил спустя четыре гудка.

– Привет, – начала я осторожно, – а ты чего отвечаешь так долго?

– На кухню ушел... – ответил Вадим просто. Кажется, все было в порядке.

– Ладно, – я улыбнулась, хотя он и не мог этого видеть. – А я уже подумала, что ты обиделся. Но ведь все в порядке?

Секунда тишины, и Вадим все же отреагировал:

– В порядке, с чего бы мне обижаться?

– Хорошо... А почему не брать велосипеды? – не унималась я. – Честное слово, я по утрам долго соображаю.

– А, – развеселился Вадим. – Это моя вина. Я тебе ничего не сказал. Но, на самом деле, Лена, и не собираюсь. Пусть это будет сюрприз...

Я покачала головой. Спихватилась, заметила:

– Как же я не люблю сюрпризы... Жуть.

Но Вадим пообещал, что все будет хорошо. И отключился. О встрече мы договорились заранее – вчера, после прогулки, поэтому теперь оставалось только ее дожидаться.

И я дождалась, успев позавтракать и сходить в магазин вместе с мамой, а потом немного почитать книжку. Будь дома папа, он бы, наверное, от восторга прыгал.

Но папы дома не было.

Он звонил нам каждый вечер, и мы с мамой рассказывали все, что с нами случилось. Но папы, стоящего рядом, нам все же не хватало. Хотя, по папиным прогнозам, экспедиция шла успешно. А это значило, что вернется он как можно скорее.

И мы с мамой ждали.

После обеда я вышла из дома. Да-да, без велосипеда, как и просил Вадим. Даже мама удивилась, но я ей все объяснила, и мама, которая тоже не любила сюрпризы, посоветовала мне сильно не ругаться, если Вадим сделает нечто такое... Ну, находящееся за гранью моего понимания.

Я пообещала, что ругаться буду мало, а драться много.

И ушла.

Благо, идти было недалеко. Мы с Вадимом договорились встретиться у моей школы. Он сам спросил, где я учусь. Я и ответила... И Вадим попросил меня немного показать мою школу. Конечно, у них в городах-миллионниках школы от наших отличаются.

Я ждала Вадима у главных ворот, находящихся прямо напротив входа. Но он не пришел ни в два, как мы договаривались, ни даже в два пятнадцать. Я позвонила ему раз десять, если не больше. Ладно, может, чуть меньше. И все эти разы Вадим успешно меня проигнорировал.

Расстроенная, я пошла в сторону дома – и почти нос к носу столкнулась с Вадимом.

Он стоял на школьном дворе, прислонившись спиной к футбольным воротам, покрашенным синей облезлой краской и покрытым ржавчиной. Ждал, пока я подойду.

А день был по-летнему жаркий, и даже зеленая трава казалась поблекшей, пожелтевший. Зато небо казалось необычайно синим, как лазурит. Будь здесь лужи, оно бы их облагородило.

Но вокруг лежал только гравий – мелкие камешки, постоянно забивающиеся в обувь, и поднималась от каждого движения пыль.

Волосы Вадима отливали золотом, а на лице даже как будто появилось несколько веснушек. Я подошла к нему, несмело сжимая в руках телефон, и произнесла:

– Привет.

– Привет.

И все-таки он был выше. Мощнее. Сильнее. Надежнее, чем все мальчишки, которых я когда-либо встречала. Не то чтобы я встречала многих, и все же...

– Звонила? – Вадим кивнул на мобильник.

– Угу. Но ты не отвечал.

– А я телефон дома оставил, – он потрепал волосы, становясь похожим на обычного себя. На того Вадима, которого я привыкла видеть. – Не подумай, я не специально. Кинул у порога, там он и лежит. А мама на работу ушла, поэтому тоже не ответит.

– Понятно... – протянула я. – Так что за сюрприз? Я уже успела подумать, что он заключается в том, что на встречу ты не придешь!

Вадим рассмеялся:

– Ещё бы я не пришел к тебе на встречу! На самом деле, Ленка, как ты относишься к футболу?..

– О-о-о... – протянула я многозначительно. Мы с одноклассниками ещё два года назад решили, что наш физкультурник просто помешан на своем футболе. Если мы не сдавали нормативы, то мы играли в футбол. И это очень нас раздражало. – Сложно...

– Не умеешь играть или не хочешь?

– Два в одном, – призналась я.

– Точно? – Вадим чуть сощурился и опустил голову вниз. Я тоже посмотрела туда и заметила черно-белый футбольный мяч, что стоял по ту сторону ворот, спрятанный за ногами Вадима. Он ловким движением выкатил его вперед, и я непроизвольно вздохнула.

Мимо прошли два мальчишки лет десяти. Они покосились нашу в сторону, но приблизиться не решились.

– Сыграем? – спросил Вадим ехидно.

– Не умею и не... – напомнила я, но он меня прервал:

– Не хочешь? Или все-таки у тебя вдруг возникло... небольшое желание?

Я с сомнением взглянула на него, поинтересовалась:

– Издеваешься, ага?

– Между прочим, футбол – отличная игра. А ты знаешь, что футбольные мячи сделали такими контрастными для того, чтобы их лучше видно было в черно-белом телевизоре?

Я покачала головой:

– Почему-то баскетбольных мячей это не коснулось.

– Что ещё раз доказывает: футбол – одна из самых ранних игр, появившихся на телевидении и вообще... Разве ты не хочешь соприкоснуться с такой величайшей игрой?

Я ещё раз посмотрела на футбольный мяч, потом на мальчишек, отошедших достаточно далеко, и вновь взглянула на Вадима:

– Ты заговариваешь мне зубы?

– Ладно, – согласился Вадим. – Если не хочешь, то играть мы не будем. А просто пойдем гулять.

Но я уже решила. Скромно произнесла:

– Ну, раз уж игра эта такая великая...

И мы помчались.

Нет, не так.

Мы вышли на середину поля, и Вадим стал показывать мне, как нужно пинать мяч. Не носком ступни, а внутренней стороной. И как определить угол. И с какой силой надо бить.

Когда теория была усвоена – так сказал сам Вадим, мы решили поиграть по-настоящему. Но проблема заключалась в том, что, только добежав до своих ворот, я уже устала. Вадим стоял на том конце поля с мячом и смотрел на меня, хотя заглянуть в глаза не получалось – слишком далеко. Когда я немного отдышалась, он сорвался с места. Ну, как сорвался... Может, по сравнению со своей обычной скоростью бега Вадим передвигался медленно.

Но для меня он сорвался, и ещё как.

И я побежала следом, пытаюсь перехватить мяч.

Это было весело. И очень для меня нетипично. Я носилась, как заполошенная. Ясно, что надолго меня не хватило, но я хотя бы попыталась! И пару раз отбила у Вадима мяч. Но потом он забил гол в мои ворота, и игра на этом закончилась. Как объявил сам Вадим, ничьей.

Эх, если бы мимо проходил наш физрук... Он бы глаза тер до покраснения, чтобы убедиться, что это действительно я. Что я не хмуро стою у ворот, а ношу по полю.

Но физруку повезло. В тот день он ходил где угодно, кроме школьного двора.

Тяжело дыша, я сидела на нагретом солнцем резиновом колесе, не беспокоясь о том, что по нему обычно ходят ногами. Вадим стоял рядом, прижимая к груди мяч, и выглядел абсолютно нормально. В том плане, что по нему и не скажешь, что он только что играл в футбол.

Ладно, ладно, что пытался играть в футбол и поиграл бы, если бы соперники не оказались такими хилыми.

Я очень хотела бы посмотреть на него повнимательнее, но Вадим стоял напротив солнца, и поэтому спустя две секунды разглядывания глаза начинало жечь.

Через минуту Вадим, отодвинув меня, скромненько сел рядом. Я почувствовала тепло его тела и покраснела. Будь сбоку кто-нибудь другой, и внимания бы не обратила, абсолютно точно, но рядом был Вадим.

Он покосился на меня, чуть улыбнулся и произнес:

– Лена?

– Тринадцать лет и четыре месяца, – отозвалась я.

– Помню, помню, – он покивал. – Но вообще я хотел тебе сказать...

– Что же?

Теперь смотрела на него я, затаив дыхание. Сама не знаю, почему. Наверное, по той причине, что в радиусе десяти метров вокруг нас – ни души. И потому что солнце слепящее. И потому что теплое тело под боком. И потому что... ну, равнодушно я к Вадиму относилась.

Я не любила – разве я умела любить?

Но я чувствовала его.

– Мама сказала, что она постарается, чтобы...

– Чтобы что?

– Чтобы меня взяли в вашу школу. Мы по месту жительства к другой прикреплены, но вдруг в этой есть свободные места? Я бы мог ходить пешком, или на автобусе ездить. Когда холодно.

– В нашу школу? – переспросила я. – В наш класс?

– Как получится. Тут уже я ничего не знаю. А какая у него буква?

– «А», – ответила я. И добавила не то воодушевленно, не то задумчиво: – О-о-о.

Вадим фыркнул.

– Я не могу понять: ты рада или не очень?

– Счастлива, – произнесла я таким тоном, каким по-настоящему счастливые не говорят. – На самом деле, переживаю. Тебя же у нас разорвут... с руками поделают. Девочки, в смысле, – покраснеть больше нельзя было, поэтому, если можно так сказать, смущение на моем лице не отразилось. – А наш физрук... Это вообще...

– А что не так с физруком? – поинтересовался Вадим. – И... м-м-м... с девочками?

– У нас физрук по футболу фанатеет. Ты сразу станешь отличником. А девочки... Ну, что девочки... Ты... в общем... – я замялась, не зная, как объяснить ситуацию так, чтобы ничем себя не выдать.

– Привлекательный? – предложил он скромно.

– Типа того.

– Спасибо.

Я вскинула брови:

– Это все, что ты скажешь? «Спасибо»?

– А что ещё говорят на комплимент? Благодарю, или я так рад, или... – он покосился на меня. – Нет, правда. Спасибо. Ты тоже, но руки ведь у тебя ещё на месте.

Я рассмеялась, не зная, сказать правду или нет. А правда была такая: никому я не нужна. Кроме Катьки. Ну, мы с ней дружили с первого класса и жили по соседству. А мальчишки... Кажется, я уже упоминала, что никогда не влюблялась.

Никогда – до этого лета.

Последнего настоящего лета в моей жизни.

Посидев ещё немного, мы с Вадимом разошлись по домам. Даже не так! Он довел меня до дома, до самого подъезда. Узнал, где я живу, уже на практике. И я даже почти решилась пригласить Вадима в гости... Но он быстро со мной распрощался, невзначай уточнив номер квартиры. Ещё раз.

Я весь вечер улыбалась, и мама заметила, что не может не улыбаться, глядя на меня.

Вечером мы вновь разговаривали с папой, и он опять сообщал, что все идет просто замечательно. И мы ждали его. Очень ждали.

Я рассказала папе про «Белого Клыка», которого начала читать. Про то, что сегодня играла в футбол. Да, да, пыталась играть, помню. Он меня похвалил – сказал, что не узнает свою Ленку. И что теперь со мной будет, о чем говорить.

Я заметила, что Ленка взрослеет.

На самом деле, действительно повзрослела я чуточку позже.

Глава 5. Точка росы

Через день после всего этого мне позвонила Катька. Как говорят умные люди, вспомни хорошего человека, и послезавтра он вспомнит тебя.

На самом деле, у Катьки был повод позвонить. Она вернулась от бабушки, у которой гостила больше трех недель. Связь там была никакая: чтобы до кого-нибудь дозвониться, надо было полчаса бродить по огороду. Поэтому Катька не звонила. Лишь отправила пару сообщений, но не получила мои ответы.

– Девять книг, понимаешь?! – восклицала она. – Я за полгода столько не читаю, сколько там за три недели одолела!

– Да... – протянула я. – Действительно результат.

– Теперь буду лежать на диване и смотреть сутки напролет телевизор. А у тебя что нового?

– Папа уехал в экспедицию... – начала я.

– Как тогда, давно? – уточнила Катька. Я уткунула, и она продолжила: – Круто! Попроси, пусть привезет тебе какой-нибудь сувенир. Камень там полудрагоценный...

– Пусть лучше себя привезет, – я вздохнула. – Мы с мамой так его ждем. И... как бы... не только его.

– Что там такое? – Катька затаила дыхание. Несколько секунд я молчала, и тогда она не вытерпела: – Расскажешь потом, как встретимся? Обещай!

– Обещаю, – произнесла я.

– Можно погулять прямо сегодня. У меня недостаток нормального общения.

– Ну... – отозвалась я смущенно. – Только если после шести или вроде того. До этого не получится. Я занята.

– Выкладывай. Что там у тебя?

– Я кое-с-кем познакомилась...

– Нашла себе новую подружку? – захотела обидеться Катька.

– Дружка, – я выдохнула.

– Собаку, что ли, завели?

– Ага, попугайчика, – я фыркнула. Попугайчик жил у Кати: волнистик бело-голубой расцветки. – Сведем его с твоей Маргошей, и она отложит яйца.

– Вообще-то моя Маргоша вылуплялась не для того, чтобы яйца откладывать. А хотя... – Катька рассмеялась. – Тебе правда подарили попугайчика? И ты его правда назвала Дружком? Это что за имя такое дурацкое? А отчество какое будет у попугайчат? Дружковны?

– Всегда поражаюсь с твоей фантазии, – призналась я. – Нет. У меня нет попугайчика. И собаки. И улитки. И кота. И...

– Поняла, поняла, – прервала меня Катя. – Можешь не оттягивать признание. Кто тогда, если не все эти замечательные животные?

Я помолчала пару секунд, собираясь с силами, а потом призналась:

– Друг.

– Друг? – переспросила Катька.

– Да, друг, – согласилась я. – Просто друг. Мужского пола, и... Вадим. Так его зовут. Мы с ним ездим вместе на велосипедах. И я была на его дне рождения. Он меня на четыре месяца младше, представляешь?

Теперь молчала Катя. Наверное, продумывала, как отреагировать на мои слова. Ещё бы. Я подобным ее не каждый день шокирую. И даже не каждый год.

– Мне нормально, – сказала она наконец.

– Чего тебе нормально?

– Я тебя на семь месяцев младше, не забывай. И по возрасту он мне нормален. Старше на три месяца. А как я хорошо на велосипедах гоняю – это видеть надо. И восхищаться.

– Катя! – воскликнула я. Сердце забилося в три раза быстрее. Вадим... Мой Вадим... Нет, не так, мой друг Вадим... Так вот, на мгновение мне показалось, что Катя хочет его пристроить. Себе. Ещё бы не пристроить такого!..

Но Катька рассмеялась, развеявая все сомнения, и заметила:

– Шутка! Подумаешь, старше на два месяца. Моя бабушка старше дедушки на три года.

– На четыре, – поправила я.

– Будь по-твоему. И вы с ним гуляете сегодня? То есть, ты с ним гуляешь сегодня вместо меня? – Я угукнула, и Катька продолжила: – Удивительная вещь. А почему ты не хочешь, чтобы я к вам присоединилась? Я, может, тоже хочу увидеть первого в истории друга Елены Литвиновой!

– Еще насмотришься... – пообещала я. – Да так, что устанешь разглядывать.

– Почему?

– Он пойдет учиться к нам в школу. Скорее всего.

Катя поцокала:

– Да ты его очаровала!.. Точно-точно. Ладно, тогда сегодня ты как-нибудь намекнешь на меня, и, если что, в следующий раз мы погуляем все вместе. Надо же мне узнать будущего одношкольника. Договорились?

– Попытаюсь... Но обещать ничего не могу.

– Пытайся очень хорошо, потому что я уже настроилась на прогулку!

И мы с Катькой распрощались.

Честно говоря, ее рвение меня пугало. Я ещё тогда, когда Вадим признался, что хочет идти к нам в школу, поняла: не хочу, чтобы шел. Ни в нашу школу, ни в ещё какую-нибудь. Пусть всю жизнь сидит дома, а я буду с ним гулять, когда выдастся свободное время.

Понятно, что это не жизнь, а сплошное издевательство. Но где-то внутри меня зрело ясное желание ни с кем не делить Вадима. А вдруг он найдет себе кого-нибудь лучше? Лучше поддерживающего беседу, и играющего в футбол, и на велосипеде катающегося, что «ах!».

И тогда Вадим про меня забудет.

Я одна не останусь: у меня всегда будет Катька. Но я останусь без Вадима, а это будет ещё грустнее. А ведь возможен и такой исход событий. Познакомились мы спонтанно, по моей вине. И расстаться спонтанно можем, но разве в расставаниях есть виновные?

На встречу с Вадимом я собиралась с серьезными намерениями. И не потому, что хотела просить его за Катьку, а потому, что хотела просить за себя. Правда, сегодня мы планировали кататься на велосипедах, и я не знала, когда смогу это сделать. В кафе меня Вадим, вестимо, больше не поведет – кто-то слишком много ест... Может быть, мы остановимся где-нибудь на поле, или что-то вроде того, и тогда я смогу спросить...

Спросить, всегда ли он будет помнить обо мне.

Я-то о нем не забуду никогда.

Пока я помогала маме на кухне, убивая время до нашей встречи, в голову мне стукнула чудесная мысль. Я, отложив разделочную доску с морковкой, убежала к себе, пообещав маме, что вот-вот вернусь. И ещё минут семь разговаривала с Катькой, которая изо всех сил пыталась объяснить мне, как проехать к мосту. Он пролегал через узенькую речку, бегущую в старой части нашего города, где еще сохранились деревянные дома, и к этой речке легко можно было спуститься. Аж один раз мы ездили туда с Катькой. Обратно я, если честно, чуть доехала, поэтому больше подобные забеги мы не повторяли.

А сейчас я захотела повторить.

И даже, кажется, что-то поняла. Из маршрута.

Я вернулась на кухню, схватив рюкзак, и стала сосредоточенно разглядывать все вокруг в поисках, что бы в него сложить. Мама улыбнулась, взглянув на меня, – с морковкой она уже справилась сама – и полюбопытствовала:

– Что разыскиваешь, дочь?

– Что-нибудь на пикник...

– С Вадимом поедете?

– Да, – я кивнула. – К речке. Катка мне примерно объяснила, как туда добраться. Попробую сообразить, хотя, конечно, могу и затупить в дороге...

– Только будь осторожной. Катя уже вернулась?..

В итоге вместе с мамой мы сделали парочку бутербродов и навели морс в пластиковую бутылку. Я бегала по дому, невероятно собой гордясь. Хорошо ведь придумала, интересно! Главное, чтобы Вадим не посчитал дурочкой и не отказался от всей этой затеи.

Когда до встречи оставалось минут десять и я завязывала шнурки на кедах, прежде чем уйти, в дверь позвонили. Мы с мамой, провожающей меня, переглянулись – никаких гостей не ждали. Но открывать я все же пошла. Заглянула в глазок – и обомлела. Повернулась к маме, одними губами прошептала: «Вадим».

Я действительно не ожидала его здесь увидеть.

Распахнула дверь и, не здороваясь, спросила:

– Ты почему здесь?

Он опешил. Недоуменно взглянул на меня и ответил:

– Потому что договорились. Впустишь? – и опомнился наконец: – Привет.

Я на автомате шагнула вправо, и тогда Вадим заметил мою маму. Очаровательно улыбнулся – знает, как завладеть расположением! – и произнес, шагая вперед:

– Здравствуйте. Я за Леной.

Я осторожно прикрыла дверь – сам Вадим делать это, похоже, не научился.

– Здравствуй, – мама кивнула. – Я уже поняла, что за ней. Приятно познакомиться, Вадим.

Мама стояла, опираясь на стену, и, честно говоря, выглядела грозно. В том плане, что я на месте Вадима бы смутилась.

Хотя то, что я находилась на собственном месте, смутиться мне никак не помешало.

– И мне, – Вадим кивнул.

– Анастасия Олеговна, – представилась мама.

Вадим кивнул еще раз и только тогда вспомнил обо мне:

– Ты уже готова, Лен?

– Как видишь, почти, – пробормотала я. Потянулась к рюкзаку, но Вадим перехватил его первым. Поднял, закинул на левое плечо и спросил удивленно:

– Почему он у тебя такой тяжелый?

– Кирпичей нагрузила, – я покраснела ещё больше. – Если хочешь что-нибудь потаскать, возьми лучше велосипед. А рюкзак я и сама донесу.

– Велосипед так велосипед, – отозвался Вадим. Но рюкзак не снял – хотел, наверное, чтобы я от смущения под землю провалилась. Зато взял велосипед, стоящий у правой стены, за руль, осторожно открыл дверь (умеет все-таки с ними обходиться!) и выкатил его на лестничную площадку.

– Лен! – прозвучало оттуда. – А ты его как спускаешь? На лифте?

– По лестнице, – отозвалась я. – Очень звучно гремит. Ладно, ладно... На лифте, да. Но туда, кроме велосипеда, ничто больше не влезает. Я пешком.

Вадим кивнул, нажал на кнопку вызова. Тут же раздвинулись створки – ага, он, оказывается, и сам на лифте катается! Тоже мне, спортсмен... Вадим вместе с велосипедом скрылись внутри, и я осталась с мамой.

– Я пошла, – отозвалась тихо, взглянув на нее.

– Иди, – мама коснулась моего предплечья.

– Ну и как тебе... Вадим? – не выдержала я. Снова прикрыла дверь, прежде чем на нее выйти, и теперь посмотрела на маму по-настоящему.

Мама чуть наклонила голову и сказала только:

– Хороший. Пусть приходит к нам ещё. На подольше.

Я кивнула и вышла из квартиры.

Хороший.

Точнее и не скажешь.

Этот «хороший», скромно позаимствовавший мой рюкзак с запасами еды и велосипед, дожидаясь меня около подъезда. Культурно зевал, закрывая рот рукой. Я подбежала к нему, попыталась стянуть рюкзак с плеча. Вадим приоткрыл глаза, взглянул на меня. И не отдал!

– А твой где? – не выдержала я.

– Дома, – отозвался Вадим.

– И куда ты сложил все свои вещи?

Вадим похлопал по карманам шорт. А карманов было много: и сверху, и над коленками. И все на замочках. Красота... Куда уж моим леггинсам.

И мы поехали. Я налегке и нагруженный Вадим. Вот только когда мы добрались до привычного уже парка, я, ни слова не говоря, повернула налево.

– Эй-эй-эй! – воскликнул Вадим за моей спиной. – Мы куда?

– Увидишь! – отозвалась я, покосившись назад. Полностью разворачиваться страшно было, свалюсь ведь. И тогда получится «никуда». – Не могу сказать, – заметила я чуть позже, – потому что тогда сойбьюсь с пути.

– Надо было брать с собой компас.

– Точно...

Но до речки мы все-таки добрались. Минут пятнадцать ездили между одноэтажными деревянными домами, по кочкам. Вадим заинтересованно разглядывал все вокруг, я искала поворот. Слева, около зеленого забора... Едва не пропустила, но, разглядев, уверенно свернула.

А к мосту – спуск такой резкий! Крутить педали не нужно – велосипед ускорится сам. Но проблема вот в чем была: я про него, про этот спуск, забыла. И полетела вниз со скоростью сто километров в час, визжа и пытаясь затормозить.

Затормозила, уже оказавшись на мосту. Схватила за ржавые перила – краска на них давно облезла. И тяжело задышала.

Рядом плавно остановился смеющийся Вадим.

Я бросила на него гневный взгляд и попросила:

– Может, не будешь надо мной издеваться?

– Я не издеваюсь, – поправил меня он. Взглянул покровительственно: – Я веселюсь. Смех продлевает жизнь, между прочим. А представь, что было бы, если бы ты ехала со своим рюкзаком, как я? Он бы уже оказался там, – Вадим кивнул на сияющую водную гладь, – и лет через десять стал бы для какого-нибудь местного пирата сокровищем.

Я отвернулась, но, не выдержав, фыркнула.

Воздух тут был свежий-свежий, даже несмотря на то, что чуть в отдалении лежало болотце – его окружал рогоз. Плескание воды служило для ушей музыкой. Сияние ее слепило глаза.

Я прыгнула с велосипеда, подошла к самым перилам и наклонилась вниз.

У нашей речки не было названия. Это была просто речка, разделяющая старую часть нашего города на две половины. Я не знала, где она брала исток и куда впадала.

Меня не волновало ни будущее, ни прошлое. Мысли занимало лишь то, что есть сейчас.

На одном из берегов реки лежала бетонная плитка, сделанная наверняка для таких отдыхающих, как мы. Придерживаясь за перила, я стала спускаться вниз. Перила кончились – я схватилась за растущую рядом травинку. Благо, ей оказалась не крапива.

Было немного скользко, но я удержалась. Взглянула вверх – прямо на солнце! – и крикнула Вадиму:

– Кинь рюкзак!

Он, предусмотрительно закрепляющий велосипеда, подошел к перилам и спросил:

– Зачем?

– У меня там покрывало, – призналась я. – И перекус. Кидай.

– А если не словишь? – уточнил Вадим на всякий случай. – Я лучше сам. Во имя перекуса.

И он спустился к реке. Остановился рядом. Снял с плеча рюкзак и передал его мне. Я молча вытащила из него старенькое покрывало, найденное в шкафу, бутылку с морсом, две пластиковые кружки и контейнер с бутербродами. Пока я расстилала покрывало, Вадим охранял запасы. А потом мы сидели рядом и жевали бутерброды.

Слушали музыку воды.

И я – дыхание того, кто сидел рядом.

– Здорово ты придумала, – сказал Вадим, когда бутерброды закончились. Он осторожно захлопнул контейнер и взглянул на меня.

– Я знаю...

– Скромно, – он рассмеялся. – Надо будет как-нибудь повторить. Как считаешь? Только в следующий раз провизию я возьму, чтобы ты не придумала таскать тяжелый рюкзак...

Я захлопнула термос и произнесла:

– Мне, знаешь ли, не сложно его таскать.

– Это понятно, что не сложно, но... Это как в «Белом Клыке». Мы меняемся под воздействием обстоятельств. Среда формирует нас. То есть, ты как бы можешь и сама носить свой рюкзак, но если бы рядом нашелся тот, кто потащил бы его за тебя...

– Ты читал «Белого Клыка»? – спросила я, пропустив все остальное. Вадим кивнул:

– Между прочим, это моя самая любимая книга. Если когда-нибудь у меня будет собака, то я ее так назову. Белый Клык.

– А если женского пола? Кичи? – я фыркнула. – А я ее только вчера дочитала.

– И как?

– Зацепило, – ответила я просто.

Вот только для себя я определила такую главную мысль истории: любовь способна на все. Любовь сможет вылечить любое сердце, даже самое грубое.

Может быть, любовь – это и есть смысл жизни.

Может быть, и моей.

Слова вылетели сами по себе:

– Я хотела тебя кое-о-чем попросить... – Вадим посмотрел на меня серьезно-серьезно, поэтому озвучить свою настоящую просьбу я не решилась. Произнесла: – Можно, в следующий раз с нами пойдет гулять моя подруга?.. Катька. Если ты пойдешь учиться в нашу школу, будешь с ней видаться каждый день. На самом деле, она хорошая. Активная только очень. И?..

– Да, – произнес Вадим так, словно отвечал на какой-то другой вопрос.

Слова, кажется, не требовались – глаза говорили за нас.

Если бы я была Белым Клыком, я бы спрятала голову Вадиму под плечо. Но я – не Белый Клык. И не сделала этого не потому, что Вадим не поймет.

Поймет – вот в чем проблема, и когда-то она была для меня главной.

***

Мое тринадцатое лето заканчивалось совсем не так, как я предполагала в самом его начале. Да, я гуляла с Катькой, как и хотела. И помогала маме. И крестиком вышивала – аж раза три. Прочитала несколько книг, и все – не по школьной программе.

Но основное мое времяпровождение было посвящено иному. Я много ездила на велосипедах – с Вадимом. И оказывала маме помощь гораздо чаще, чем раньше. Пару раз мы с ней даже вместе ходили в больницу... А ещё я ждала возвращения папы. Мне очень его не хватало. И так бывает всегда. Когда папа был дома, я часто раздражалась из-за его замечаний. И не всегда слушалась.

А сейчас – скучала.

И мама скучала. Она мне про это не говорила, но я видела тоску ее в глазах. Радовало одно: пару недель назад папа сказал, что вернется недели через три. Оставалась одна.

Но тот месяц, о котором он говорил, и без того сдвинулся. Вот-вот должен был закончиться его отпуск. А папа все не возвращался.

Началась последняя неделя августа.

И в первый же ее день папа позвонил нам непривычно рано, в половину девятого. Мама как раз собиралась на работу – ее отпуск закончился неделю назад, и мама была вынуждена вернуться на рабочее место на несколько месяцев, до тех пор, пока не уйдет в декрет. Я крутилась рядом. Тихое умиротворение нарушил папин звонок. Мама удивилась ему, но ответила. И, как всегда, переключила на «громкую связь» – чтобы я тоже слышала.

– Настенька? Здравствуй, – начал папа. – Ленка, и ты тут?

– Я тут, – согласилась я. – Привет, пап. Ты так рано звонишь...

– Девчонки мои, – начал он. Голос звучал по-другому, искаженный расстоянием, но в нем слышались все те же, родные, интонации. – Мне очень не хотелось бы вас огорчать, но обстоятельства складываются так, что к началу сентября я ещё не вернусь.

– Опять?.. – спросила мама тихо.

– Экспедиция почти завершена, но билетов попросту нет. Труднодоступная зона, автобусы ходят раз в неделю, и места приходится бронировать за месяц. У нас бронь на начало сентября – только сегодня утром узнал об этом. Машин никаких не имеется, кроме рабочих...

– Понимаем, – произнесла мама. – Ждем.

– Как Белые Клыки, – добавила я.

– Лена? – спросил папа удивленно.

– Да, – согласилась я. – Папа, правда, возвращайся поскорее. Нам с мамой без тебя уже грустно. Вернее, нам и раньше было грустно, а сейчас особенно. А как же школа? – спохватилась вдруг я.

– Петра Никифоровича я предупредил, – ответил папа. – Придется ученикам недельку посидеть без меня. Или даже две – потому что сразу после возвращения мне придется пробыть целую неделю с вами, чтобы хотя бы немного на вас наглядеться.

Я фыркнула.

Мне до сих пор верилось, что все будет хорошо.

Но разговор закончился, и тогда мама сказала серьезно, бросая взгляд на окно:

– Не надо было ему уезжать. Зря я на этом настаивала.

– Мамоchка, – протянула я, обнимая ее. – Папа уже скоро вернется.

– Знаю, – она чуть улыбнулась.

Но в тот момент вера покинула душу моей мамы – и теперь навсегда.

Глава 6. Сломлено

Вадим исчез. В самом деле. Он не выходил на связь уже три дня. Конечно, в масштабах Вселенной этот промежуток был совсем крошечным, меньше песчинки, но для меня время тянулось медленно-медленно.

Я не понимала, что случилось. В последний раз мы ходили гулять пешком, снова разговаривали о том и о сем, всяком нелепом. И о том, что мой папа опять задерживается – прогулка произошла в день того самого папиного звонка. Тогда мы с Вадимом решили, что о новой встрече договоримся позже.

Не договорились.

Стояло двадцать восьмое августа, и до конца лета оставалось совсем мало – каких-то три денька. И я не собиралась проводить их в гордом одиночестве. На третий день нашей с Вадимом разлуки я окончательно решила на то, чтобы без приглашения сходить к нему в гости. И пошла. С утра пораньше встала, собралась и, попрощавшись с мамой, вышла из дома.

Пешком.

Что-то мне подсказывало, что на велосипеде мы с Вадимом сегодня не покатаемся.

А погода стояла пасмурная, и настроение было каким-то тоскливым. Но я упорно прошла через поле, через парк, свернула на нужной тропинке. Угол дома, в котором жил Вадим, казался серым, мрачным и совсем неживым. Я помотала головой – зачем себя накручивать зря? И вошла внутрь, в царство каменных ступеней.

Вот только тишина окружающего мира оказалась прерванной. Я слышала голоса – там, наверху. И один из них точно принадлежал тому, кого я искала.

Вадим. Так был Вадим!

Я ринулась вверх и замерла, когда до лестничной клетки второго этажа оставался один пролет. Там стоял Вадим, действительно он, и рядом – взрослый мужчина, держащий его за запястье. Совсем чужой – я видела его впервые – но со знакомыми чертами лица.

Сомнений быть не могло – это его отец. Кто ещё мог бы смотреть на Вадима с таким строгим превосходством?..

Сердце застучалось, как бешеное. В руках Вадима была спортивная сумка, наполненная доверху – я видела, как она оттягивает ему руки. А на его лице – недовольство и в то же время, как я могу судить, смирение.

И я. Заявилась в момент самый неподходящий – и остановилась, смотря на них снизу вверх. Но долго незамеченной я не оставалась: уже через пару секунд Вадим взглянул в мою сторону. И улыбнулся. Радостно. Правда, эта улыбка на его лице продержалась лишь мгновение – он вновь повернулся к мужчине, вырвал свою руку и произнес:

– Ко мне пришли, папа.

Его голос эхом отражался от лестничной площадки.

– И кто же, позволь поинтересоваться?

Теперь этот мужчина, отец Вадима, и сам посмотрел на меня. Я выдержала его взгляд, хотя, признаться честно, мне очень хотелось отвернуться. Глаза у него были зеленее, чем у Вадима, скулы острее, и темные волосы уже начали седеть... Он чем-то напомнил мне хищную птицу, а чем – так и не скажешь.

– Девочка, – он кивнул. – Понятно.

– Это Лена, – произнес Вадим. – И она – мой друг.

– Дружба – понятие непостоянное. С друзьями мы то встречаемся, то расстаемся – уж поверь, я знаю, о чем говорю. Но вот кровные связи – совсем другое дело. Их так просто не разорвать.

Глаза Вадима зло сверкнули.

Я знала, что он хочет что-то сказать, но сдерживает себя изо всех сил.

– Или ты хочешь все-таки попрощаться с этой своей подругой? – продолжил мужчина.

Прощаться?.. Я, уже почти рискнувшая что-нибудь произнести, хотя бы поздороваться, захлопнула рот.

Как это – попрощаться? Навсегда? Что ему нужно от Вадима?.. Я вспомнила, как несколько недель назад Вадим с мамой уезжали на пару дней – проблемы с отцом, как говорил он сам. Вспомнила. Все вспомнила. И осознала.

Сердце, до того стучавшее ускоренно, на мгновение замерло.

Вадим вновь посмотрел на меня, чуть побледнел и произнес:

– Да, хочу.

Дверь квартиры, в которой жил Вадим, распахнулась, и из-за нее вышла его мама, бледная, с пустым потерянным лицом. Она посмотрела сначала на сына, потом на бывшего мужа и только тогда заметила меня.

– Лена?.. – прошептали ее губы.

Я кивнула:

– Здравствуйте.

Анна Алексеевна покачала головой и взглянула на отца Вадима:

– Это с ней ты предлагаешь попрощаться моему сыну?

– Моему сыну, дорогая, – мужчина скривил уголки губ. – На крайний случай, нашему. – И он взглянул на Вадима: – Ты не думаешь, что тебе нужно поспешить, чтобы прощание все же совершилось?

Вадим нахмурился. Он скинул сумку – прямо на пол подъезда, коснулся предплечья Анны Алексеевны – женщина вздрогнула – и, ни сказав ни слова, сбежал ко мне, взял меня за руку и повел вниз.

Мы вышли из подъезда – теперь уже вдвоем, но небо над головой оставалось все таким же серым и безрадостным. Вадим потянул меня к лавочке возле подъезда. Сел первым – я устроилась возле него. А потом посмотрел на меня грустно и признался:

– Больше всего мне хочется сбежать сейчас вместе с тобой. Куда-нибудь.

– Что случилось? – спросила я тихо. Горло пересохло от волнения.

– Как видишь, – Вадим вздохнул. – Отец добился своего. Я возвращаюсь. Не было бы там мамы! Я бы правда сбежал.

– Возвращаешься? – не поверила ушам я.

Он кивнул.

– И как ты так пришла... вовремя? Если бы тебя тут не было, так бы и не попрощались. Отец забрал у меня телефон, не выпускал на улицу. Я хотел позвонить с маминого – но забыл твой номер, хотя до этого помнил, честное слово, – Вадим чуть покраснел.

– Наверное, интуиция, – отозвалась я. И вернулась к вопросу, который в данный момент волновал намного больше: – Навсегда?

– Не знаю. Не знаю, – повторил Вадим. Он целиком повернулся ко мне – я не решилась взглянуть в его глаза, а потом вдруг крепко прижал меня к себе и зашептал на ухо: – Телефон я как-нибудь выкраду. И напишу тебе. Или сейчас... ты скажешь мне, если помнишь. Я буду тебе звонить, хорошо? Или, если уж с телефонами совсем не сложится, я письмо тебе напишу. Адрес я знаю точно. Договорились?..

Я сглотнула ком, застрявший в горле, и еще сильнее прижалась к Вадиму.

Он провел ладонью по моей спине, задевая волосы.

Вадим уезжал. Резко, внезапно – и я... Я оставалась одна.

– Я буду скучать, – произнес он.

Мы так и сидели, обнявшись, не обращая внимания на окружающих людей. И я не знала, как буду его отпускать. Слишком он стал родным, чтобы вот так, в одно мгновение, от него отказаться.

Возможно, это было эгоистично.

Возможно, влюбленность – один из признаков эгоизма.

– Это как лагерь, – заметила я. – Три недели с кем-то общаешься, а потом навсегда расстаешься. Забываешь все, как сон. То ли было, а то ли нет. Вадим...

Не выдержав, я всхлипнула.

Он вновь провел по моим волосам и сказал:

– Все будет хорошо. Уж ты-то мне веришь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.